Каутскианство в теории империализма.

(Из теоретической эволюции с.-д. центра).

Э. Лейкин.

Из рядов германской социал-демократии вышло несколько концепций новейшего капитализма. Одна из них представляла грубое оправдание современных отношений и подчинение рабочей политики интересам империализма. Из признания необходимости империализма она делала теоретическую основу для национал-либеральной (а подчас и национал-империалистской) политики. Именно про эту позицию Парвус сказал еще в период ее первого оформления: «Она ограничивает свою критику лишь внешними проявлениями и сохраняет оппозиционное положение исключительно по милости колониальных бандитов и разных негодяев, заботящихся о заполнении газетной рубрики «колониальных ужасов»». Другая концепция также не сомневалась в исторической необходимости империализма. Из этого она делала, однако, теоретический вывод, что мы переживаем предельное развитие капиталистического способа производства, и политический вывод, что рабочему классу пора взять курс на революционное разрушение капитализма. Это—наименее оформленная из всех социал-демократических концепций новейшего капитализма, она в значительной мере во власти неразрешенных противоречий, ее теоретические положения систематически не проработаны и ее экстремизм порой слишком бесцеремонно обращается с реальными отношениями. Кроме того, под руками одного из ее представителей—Розы Люксембург—она приняла явно ошибочную форму. Зато в работах других ее представителей находится немало элементов для построения подлинной марксистской теории империализма. Это относится к Парвусу, Паннекуку, Леншу и тов. Радеку. Наконец, третья концепция, вышедшая из недр германской социал-демократии, порождена «центром». Она отрицает империализм, как переходный этап от капитализма к социализму. Она живет старыми хорошими книгами и отказывается признать современные отношения, если в этих книгах ничего про них не написано. Она боится решительных действий, которые диктует современная экономика. Она надеется вернуть старые, родные отношения «мирного», «свободного» капитализма: ведь он мог бы так просто, так безмятежно подвести вплотную к социализму! Ее выразитель и автор—Каутский, который сам развивался и ее развивал в полном соответствии с эволюцией центризма. Что касается Гильфердинга, то, хотя он и вышел из того же центра и снискал

немало лестных отзывов со стороны центристских теоретиков, его теория никогда не становилась партийной теорией. Можно смело сказать, что среди русских марксистов гильфердинговская теория пользовалась большей известностью, чем среди немецких [1]). Официальной концепцией империализма в германском центре было каутскианство, рассмотрением которого мы и ставим своей целью заняться.

I. Заря (1898—1903).

В 1901 г. в книжке «Социал-демократия и торговая политика», написанной в связи с истечением в 1903 г. сроков важнейших германских торговых договоров и выступлением на политическую авансцену вопроса о дальнейших путях имперской торговой политики, Каутскому пришлось впервые связно характеризовать особенности современного капитализма. Молодое хозяйничанье картелей и синдикатов, особенно в тяжелой индустрии; крутой аграрный протекционизм; быстро растущий в капиталистической среде вкус к промышленному протекционизму; рост цен, в особенности сельско-хозяйственных; агрессивная колониальная политика; стеснение экономической борьбы рабочего класса; государственная власть на службе правящей капиталистической клики и общее усиление политической реакции—вот пестрые черты новой капиталистической личины, заявившей о себе примерно в ту пору. Многое здесь было совершенно ново, теоретически еще не охвачено, политически не осмыслено. Однако то обстоятельство, что кое-что походило на старый, давно превзойденный этап (протекционизм, колон. политика и т. п.) и тем самым будило аналогии с неразвитыми, несовершенными формами капитализма, а также тот немаловажный факт, что социально-политические проявления новой системы вступали в резкое противоречие с абстрактным, «привычным» и «само собой разумеющимся» представлением об усилении демократических и культурных начал,—все это до чрезвычайности затрудняло научный анализ новейших капиталистических явлений. Задачей марксиста становилось: дать диалектическую систематизацию этих явлений, т.-е. понять, откуда, как и куда они растут, каждое в отдельности и *все вместе, как единая система*. Нельзя сказать, что Каутский не видел этой задачи и не попытался ее разрешить. Удалось ли ему это?

Следующее место из книжки «Социал-демократия и торг. политика» показывает, как ясно и широко улавливал тогдашний Каутский природу нового капитализма. Читатель, надеемся, простит, если мы здесь приведем почти полностью главку под прекрасным названием—«Новая политика насилия».

«Насилие есть сущность картельного хозяйства (d. Kartellenwirtschaft); картели стараются насильственными средствами сразить, подавить своих противников пока еще не ружьями и пушками, а насильственными мерами экономической борьбы...

[1]) Впрочем, позже—во время и в особенности после войны—положениями и аргументацией Гильфердинга широко воспользовался открытый оппортунизм.

Не менее насильнически поступают картели-монополисты (Kartellemonopolisten) с заграницей. Сначала они стараются путем бросовых цен уничтожить там своих конкурентов. Они могут себе позволить более продолжительное понижение цен за границей, когда покровительственные пошлины так высоки и картели процветают настолько, что промышленники в состоянии на внутреннем рынке поднять цены выше нормального и через посредство вздорожания продуктов в своем отечестве получить добавочную прибыль, которая вознаграждает их за грязную конкуренцию на мировом рынке. Но так как конкурент начинает подражать этим благородным приемам, они вскоре оказываются недействительными.

Тогда идут дальше и стремятся насильственно приобрести рынок, на котором занимали бы преимущественное положение. На сцену выступает колониальная и экспансивистская политика. Эта политика в свою очередь вызывает конфликты или угрожает конфликтами между конкурирующими промышленными державами, борьба при помощи насильственных экономических мер грозит перейти в борьбу при помощи пороха и свинца, динамита и лидита. Дальнейшие приготовления, необходимые для войны, идут опять-таки на пользу картельного хозяйства; следствием всего этого являются все умножающиеся колониальные авантюры, все умножающиеся опасности войны.

Таким образом, вместо духа свободной торговли, усиливается дух насилия у индустриальной буржуазии. Раньше мирно настроенная, она мечтала о вечном мире, осуждала войну, как остаток средневекового варварства, могущий служить только династическим и феодальным целям; в настоящее время она сама все более преисполняется духом насилия, как бы горько ни плакались по сему поводу единичные ее идеологи.

Протекционизм только звено в этой цепи новой индустриальной системы, которая представляет собою новейшую и вероятно последнюю форму проявления капиталистического способа производства. Но кто признает одно это звено, тот должен, если он хочет быть последовательным, признать и остальные звенья, которые с ним связаны логически»[1]).

К сожалению, это замечательное место служит Каутскому лишь для характеристики общего экономического и политического тона «новой индустриальной системы». Теоретический же анализ Каутский ведет по совершенно иному пути, который не только проходит, не задевая, мимо наиболее глубоких из цитированных положений, но большей частью противоречит им.

«Современный способ производства зиждется на разделении труда между промышленным и аграрным государством и на все увеличивающемся вывозе промышленных продуктов из первого и аграрных из второго» (стр. 116). «Необходимость вывозить промышленные продукты для обмена их на аграрные является следствием возрастающего накопления капитала» (стр. 121).

[1]) Цит. по переводу Г. Радомысльского, СПБ. 1906, изд. Врублевского, стр. 50—51; перевод несколько исправлен нами по второму немецкому изданию, Berlin 1911.—Ср. также стр. 48.

В этих словах Каутский дал лучшую формулировку своих теоретических взглядов в рассматриваемый период. Расплывчатость, бесцветность и недоработанность формулировки хорошо отражают состояние представлений ее автора. При об'яснении отдельных вопросов эти коренные представления проводятся, впрочем, с достаточной настойчивостью.

Первое. Протекционизм.—«Новая покровительственная система есть система современного государства, вывозящего продукты промышленности и ввозящего жизненные припасы... В современной покровительственной системе главную роль играют аграрные пошлины, они центр, гвоздь, вокруг которого вертится все, а промышленные пошлины являются только более или менее важным придатком. При старой покровительственной системе было наоборот» (стр. 54—55) [1]).

Второе. Экспорт капитала.—Возникающие для Каутского логические затруднения «преодолеваются» таким способом, что вывоз промышленного капитала в денежной форме (капитальные инвестирования за границей), представляющий характерную сторону процесса, подменяется в рассуждениях Каутского вывозом средств производства (товарным экспортом). Теоретическая конфигурация у Каутского чрезвычайно проста: старый капитализм вывозил средства потребления (текстиль), новый вывозит средства производства (машины и т. д.); и в этой перемене должна, между прочим, особенно наглядно сказаться закрепляющаяся система взаимоотношений между индустриальной и аграрной страной... Но как же быть с растущим в наше время прямым вывозом капиталов за границу (финансирование и т. д.)? Для Каутского—это только средство передовой страны развивать собственную промышленность, но средство сомнительное, ибо промышленность здесь «сама оплатила свой расцвет» [2]).

Но как же быть с тем обстоятельством, что именно (и только) индустриальное развитие отсталой страны раньше и прежде всего сокращает ее ввоз предметов личного потребления и повышает ее спрос на средства производства? Не говорит ли это о том, что явление, выдаваемое Каутским за взаимоотношение между индустриальной и аграрной страной (экспорт капитала в виде средств производства), есть в действительности взаимоотношение между индустриальной и индустриализующейся страной?

Третье. Стремление индустриальных стран монополизировать рынки аграрных стран.—Каутский занимается в рассматриваемой брошюре двумя путями этого стремления. Во-первых, идеей новых таможенных союзов (панамери-

[1]) «Альфой и омегой новейшей протекционистской политики являются аграрные пошлины..., т.-е. прежде всего пошлины на зерновой хлеб, дерево и т. д.» (74). То же в выступлении на Штутгартском партейтаге 1898 г.: «Ныне промышленные пошлины представляют лишь коррелат хлебных». «Handbuch d. S d. Parteitage von 1863 bis 1909», München 1910.

[2]) Пример: Россия покупает в Европе промышленные продукты. «Деньги для этого она получает от Бельгии, Франции, Германии и покупает на эти деньги произведения промышленности тех же стран—корабли, рельсы, машины и т. д. Промышленность этих стран расцветает, но она сама оплатила свой расцвет» (стр. 58).

канский, средне-европейский, «большой Британии»). Он считает неизбежной неудачу этой идеи по той причине, что, в отличие от старых таможенных союзов прошлого века, «современные планы таможенных союзов стремятся к об'единению тех государств, из которых каждое ведет самостоятельную политическую и экономическую жизнь, которые стоят на различных ступенях развития, из которых каждое поэтому нуждается в особой политике. Все торгово-политические противоречия, которые могут встретиться внутри государства в форме классовых противоречий, выступают здесь в форме государственных противоречий борющихся между собою классов» (стр. 114). Чтобы не опорочить своей схемы, Каутскому пришлось, след., перевернуть действительные отношения. Кому не ясно, что если планы таможенного об'единения передовой и отсталой страны не осуществимы, то это не потому, что у аграрной и промышленной страны несогласуемые интересы, а наоборот,—главным образом, потому, что по пути согласования этих интересов встает в молодой стране растущий индустриальный капитализм. Зато по Каутскому должно получиться, что вполне возможны таможенные об'единения индустриальных стран, как экономически однородных: не чувствуется ли здесь, в 1901 г., совсем легкое дуновение будущего ультраимпериализма?

Во-вторых, «стремления великих индустриальных стран монополизировать часть всемирного рынка» приводят к «покорению аграрных стран посредством политики экспансии, насильственного империализма». Но «скоро последние будут совершенно разделены, а потом к расширению монополизированной области остается только один путь: не борьба между промышленным и аграрным государством, а кровавая борьба великих промышленных держав между собой—всемирная война».

И окончательный вывод схемы Каутского в ту пору гласил: «Всемирная война является только одной альтернативой современной, стоящей на краю гибели, всемирной торговой системы; вторая альтернатива—это социалистическое общество» (116—117). В какой мере в этом противопоставлении говорил марксист, читатель увидит в конце главы.

Мы привели вкратце и словами автора теоретическое понимание современной стадии капитализма, которое развивал Каутский в 1901 году. Внутри этой системы взглядов не оказалось логически законного места для «картельного хозяйства». Последнее располагается у Каутского вне основной схемы или—вернее—привносится в нее Каутским извне; «картельное хозяйство» таким образом не определяет основную закономерность современного капитализма, но и не порождается ею. Но тогда «картельное хозяйство» только усиливает имманентные тенденции «новой индустриальной системы», само же оно растет из иных, для этой системы побочных и безразличных источников, и потому не может иметь для нее принудительного характера. И действительно, в резолюции о торговой политике, предложенной Каутским Штутгартскому партейтагу 1898 г. и принятой с'ездом, два пункта посвящены зловредности системы картелей и трестов для экономического развития.

Но если о картелях можно сказать только то, что они вредят капиталистическому развитию, то что остается от «новой индустриальной системы»? Ведь тогда оказывается, что эта «новая система» совершенно не отличается качественно от доброй старой капиталистической системы; ведь признает же Каутский, что внешняя политика классической Англии в ее классический капиталистический возраст представляла стремление индустриальной страны в аграрные области. Сущность новой индустриальной системы оказывается простым количественным развитием старой. И лучшим доказательством того, что в своих представлениях о современной экономике Каутский не выходил за пределы классического капитализма и что за количественными изменениями он проглядел модификацию капиталистической системы, служит метод, применяемый им при критике протекционизма и экспорта капиталов—он критикует эти явления с точки зрения их выгодности для капиталистического хозяйствования. Многие страницы испещряются аргументами и цифровыми выкладками, которые призваны доказать, что сам капитализм «не заинтересован» ни в протекционизме, ни в экспорте капиталов. Что «для промышленных стран, как Германия, Франция, Соединенные Штаты, Англия, свобода торговли является наименьшим из зол» (стр. 60). Что производительные силы, «которые иначе остались бы внутри страны, перетекают за границу, и развитию иностранной промышленности оказывается поддержка за счет промышленности собственной страны» (стр. 61). Что протекционизм, экспорт капиталов, колониальная политика выгодны только группе привилегированных капиталистов, в особенности, хозяев тяжелой индустрии, весь же капиталистический мир стонет от них и т. д. и т. п.[1]).

Для Каутского 1901 г. современный капитализм есть испорченный капитализм,—капитализм, развивающий до крайности свои отрицательные свойства, в первую же голову чрезвычайно усиливающий эксплоатацию рабочего класса и гнет над потребителем. Задача социал-демократии—отсекать эти вредные наросты на капиталистическом организме и тем самым обеспечить также нормальное и быстрое развитие производительных сил, правда, в ущерб некоторым группам капиталистов. Реальна ли такая политика? Такого вопроса у Каутского, конечно, нет. Вся книжка о торговой политике построена на отсутствии такого вопроса. Но этот утопизм коренился в неизбежной противоречивости рабочей политики, поскольку она (политика) в эпоху империализма не делает своей основой и своим центром подготовку социалистической революции. Не приходится, конечно, винить

[1]) Так современную колониальную политику тогдашний Каутский оценивает следующим образом (1897 г. «Aeltere u. neuere Kolonialpolitik», ст. в «N. Zeit», 16—1, стр. 806 и сл.). «Если ближе посмотреть, то найдешь, что не потребности промышленного развития создали новейшую фазу колониальной политики, а, с одной стороны, потребности тех классов, интересы которых стоят в противоречии с потребностями экономического развития, и, с другой стороны, потребности государства, интересы которого противоречат интересам развитой цивилизации. Другими словами, так же как и таможенная политика, новейшая фаза колониальной политики есть дело реакции. Для экономического развития она совершенно не необходима, напротив того, даже вредна». См. также ст. «Милитаризм и социализм в Англии», написанную во время англо-бурск. войны (сб. «Очередн. проблемы межд. социализма», СПБ. 1906, стр. 316).

Каутского 1901 г. за проповедь нереальной торговой политики[1]). Нереальность росла из неоформленности отношений, характеризующих переходную стадию от развитого капитализма к загнивающему капитализму. «Хорошая» реальная политика была в то время к услугам только тех рабочих вождей, которые ориентировались на притупление классовой борьбы, на консолидацию «национальных интересов», т.-е. империалистских вождей рабочего движения. Макс Шиппель уже в 1898 г. проводил «реальную» политику не за страх, а за совесть.

Мы видим, что Каутский 1901 г., наблюдавший рождение «новой индустриальной системы», не сумел теоретически охватить богатство новых явлений и новых форм и понять их как систему. Его анализ односторонен. Он видел только противоречия новой системы, но не заметил, что это—противоречия прогрессивных факторов и прогрессивного процесса. Меж тем, только эта противоречивая прогрессивность и позволяет говорить об «индустриальной системе» современного капитализма. В «картельном хозяйстве» Каутский видел только «политику насилия», но не хотел понимать, что картели и тресты—это стихийно растущая тенденция к плановому хозяйству, неизбежно иррациональная при капитализме, а потому насильственная и болезненная. В протекционизме и экспорте капиталов Каутский видел только стеснение производительных сил и расширение капиталистической эксплоатации, но не замечал, что экспорт капиталов и протекционизм—это естественный, неизбежный, но неизбежно-антагонистический и насильственный метод, которым современный капитализм развивает мировое хозяйство.

Мы живем в период «новейшей, должно быть, последней формы проявления капиталистического способа производства»,—пишет Каутский в 1901 г. (стр. 51). Но почему же это последняя форма? Ведь если возможно побороть вредоносные свойства современного капитализма, то он будет прекрасно развиваться и дальше. Реформист на такой вопрос отвечает: современный капитализм есть капитализм, организационно, а следовательно, мирно врастающий в социалистический строй. Но откуда Каутский, революционер настолько, что отказывается даже принять организационные формы современного капитализма, откуда Каутский берет свой вывод о последней форме проявления капиталистического способа производства? А вот откуда:

> «Мы приближаемся к такому моменту, когда разделение труда между промышленным и аграрным государством все более и более суживается, благодаря тому, что первые все больше перевешивают вторые. Как только такое количество аграрных государств превращено в индустриальные, что остаток оказывается недостаточным для того, чтобы потребить все продукты индустриальных государств и не в состоянии доставить им нужное количество жизненных припасов и сырого материала, тогда это разделение труда достигло своей конечной цели. Не следует, однако, думать, что здесь идет речь об очень далеком будущем» (курсив мой. *Э. Л.*)... К тому же «нельзя ожидать, что товарная торговля, вытекающая из положения всеобщей задолженности, долго переживет разделение труда между промышленными и аграрными государствами».
>
> «Но этим уничтожаются те основы, которые до сих пор делали возможным то быстрое развитие индустриального экспорта, которое стало необходимым условием существования развитых капиталистических индустриальных стран.
>
> Что же тогда остается? Тогда непременно настанет такой момент, когда теперешняя торговая система так же рухнет, как рухнула манчестерская во второй половине 70-х г.г.».

Это рассуждение проливает свет на исторические этапы теории империализма и помогает понять теоретическую эволюцию не одного Каутского. Не подлежит сомнению, что, в частности, Р. Люксембург построила свою теорию под впечатлением взглядов Каутского—господствующих взглядов в германской соц.-демократии. Что касается самого Каутского, то надо сказать, что эту свою теорию крушения капитализма он логически вывел из основного своего тезиса, характеризующего современный способ производства, как основанный на разделении труда между аграрными и индустриальными странами.

Итак, близок момент, когда «теперешняя торговая система так же рухнет, как рухнула манчестерская во второй половине 70-х г.г.». А дальше? Как представляет себе Каутский дальнейшее развитие? Ответ находим в его статьях, посвященных англо-бурской войне.

Основная мысль статей: «Времена либерализма миновали, и мы никогда к ним больше не вернемся» (327). Знамя свободы и антимилитаризма, уроненное буржуазией, должен поднять пролетариат. На развалинах манчестерства борются за господство над умами английского пролетариата две идеи—социализм и империализм. В конечном итоге «манчестерские взгляды заменятся только социалистическими, которые как раз во внешней политике, и именно в политике колониальной, мало отличаются от манчестерских» (308). «Если политика господ Рода и Чемберлена потерпит крушение, то это послужит могучим толчком делу социализма и в то же время увеличит надежды на развитие демократическим, следовательно, относительно мирным путем». «Чем больше будет это выясняться, тем скорее станут склоняться широкие массы британского пролетариата к дальнейшему развитию теперешней капиталистической системы в смысле социализма, вместо того, чтобы стремиться к империализму» (112) (Сб. «Очередн. проблемы международного социализма». СПБ. 1906).

Так вот какой социализм имел в виду Каутский, когда устанавливал две альтернативы ближайшего развития! Социализм, к которому он звал, был уже в ту незапятнанную зарю центризма «демократическим» «дальнейшим развитием теперешней капиталистической системы в смысле социализма».

[1]) Вот, что Каутский предлагал в качестве экономической программы соц.-дем.: «Открытая и честная политика долгосрочных торговых договоров с обоюдосторонней гарантией так наз. наибольших преимуществ, политика, достигающая возможно больших уступок от противной стороны тем, что и сама не скупится на них, политика, не ограниченная никаким минимальным тарифом, политика, которая, с одной стороны, заботливо избегала бы всякого провоцирования открытой таможенной войны и—с другой—отвергала бы скрытую таможенную войну с помощью вышеуказанных жалких мер (двоякий тариф, вывозные премии и т. д. *Э. Л.*)—вот та торговая политика, которая нам ныне нужна» (стр. 103—104).

II. Дерзания юности (1905—1909).

В тот период, которым нам предстоит сейчас заняться, взгляды Каутского на современный капитализм излагались, главным образом, в связи с колониальной проблемой, именно в связи с полемикой об отношении соц.-демократии к современной колониальной политике, разыгравшейся, примерно, в 1905 – 1909 г.г. в международной социалистической среде. В первую голову мы имеем в виду книжку Каутского «Sozialismus u. Kolonialpolitik», Brl. 1907, написанную в период Штуттгартского конгресса II Интернационала.

То было время, когда основные отношения империалистической эпохи вполне откристаллизовались. Непрестанные международные конфликты, концентрировавшиеся вокруг колоний, некоторые из которых привели к войнам (боксерская война 1900 г.; Англия против Тибета; Германия против герреро; русско-японская война), а каждый из остальных представлял без пяти минут войну; неистовый рост вооружений и подымающаяся среди обывателей всех стран волна «патриотизма», т.-е. шовинизма; наступление реакции, поддерживаемой и подталкиваемой финансовым капиталом. Основные отслоения произошли уже и в рабочем движении. Консолидировался оппортунизм, обогатившийся даже фракцией социал-империалистов (особенно Лейтнер). И, оглядываясь на ту эпоху с расстояния двух десятилетий, заполненных такими великими проверками, как война и послевоенная борьба рабочего класса, мы видим, что и «центр» к тому времени вполне сложился и политически определился, и то 4 августа, которое современникам казалось крутым поворотом, изменой вчерашнему дню, мы вынуждены расценивать, как совершенно закономерное развитие тенденций, владевших «центром» уже в рассматриваемый нами период. Возьмем, к примеру, колониальный вопрос, близко стоящий к нашей теме. Бернштейн в Штуттгарте обосновывает свою старую программу социалистической колониальной политики. «Большая часть нашего хозяйственного существа построена на продуктах из колоний, с которыми туземцы не знали бы что предпринять». Давид в Штуттгарте же издевается над Ледебуром, защищающим освобождение колоний: «Не гуманность господствовала бы тогда в колониях, напротив, они снова впали бы в варварство», а голландец Ван-Коль, докладчик, возглашает: «С оружием в руках должны мы пойти в колонии»... Каутский борется против социалистической колониальной политики с прямотой и настойчивостью подлинного марксиста-революционера. Но Каутский лишь теоретик центра. Ну, а действительные руководители центра (к ним Каутский, в сущности, никогда не принадлежал), как они держали себя в этом, величайшей важности, споре? Бебель еще в 1906 г. в рейхстаге развивал идею цивилизаторской колониальной политики. Пауль Зингер на Эссенском партейтаге 1907 г., докладывая от имени правления партии о Штуттгартском Интернациональном конгрессе, высмеял весь спор. Он сказал: «Это был, в действительности, больше спор о словах, чем глубокое принципиальное расхождение». И добавил. «Я вообще считаю, что для нас, соц.-демократов, ошибочно и чревато извращенными представлениями орудование словом «колониальная политика». То, что мы можем требовать в нынешнем обществе и что мы должны требовать (поскольку речь идет о фракции рейхстага) и при современной колониальной политике, это—напротив того—цивилизаторской политики»[1]).

Характерно, что в это же, примерно, время Жорес проповедовал «мирное проникновение» в Марокко, а Вандервельде в замечательной по-своему статье о колониальной политике («N. Z.», 1907—I, стр. 829), с восхитительной ловкостью, избиваясь как уж, рассыпая клятвы социализмом, классовой ненавистью, последним и первым днем творения, запутывает колониальный вопрос с колонизационным. «Характер спора о колониальной политике должен перемениться, исходя из того неоспоримого факта, что вопрос—следует ли колонизировать или не следует—скоро сохранит исключительно исторический интерес, при чем в отношении колоний для эксплоатации еще в гораздо большей мере, чем в отношении поселенческих колоний». Выводы понятны: за социалистическую колониальную политику, хотя и не названную своим именем. Но вот что самое замечательное: в своей ответной статье («Soz-sche Kolonialpolitik», «N. Z.», 27—2) Каутский не противопоставляет ничего положительного и, потратив яркие выражения на доказательство фантастичности плана Вандервельде «помочь туземцам пройти путь, который их в один прекрасный день приведет к независимости», он в то же время принимает положение Вандервельде о необходимости переменить характер спора. Умный Зингер, быть может, был не так уже неправ.

Так или иначе, описываемые годы были лучшим временем Каутского. Именно к этому короткому времени (после революции 1905 г.) относится его известная оценка нашей революции, его горячие выступления против милитаризма[2]), его критика социалистической колониальной политики, его левые выступления о всеобщей стачке, его решительная позиция по налоговой политике. Про одну из написанных им в этот период работ «Sozialismus u. Kolonialpolitik» (1907) Ленин сказал: «Эта брошюра писана еще в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом»[3]). А про «Путь к власти» (1909) Ленин писал: «самое цельное, самое благоприятное для немецкого социал-демократа (в смысле подаваемых им надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи»[4]). Да, именно в смысле подаваемых надежд. Ибо величайшее противоречие «центра» и глубокое основание внутреннего его бессилия заключается в том, что в эпоху предельного развития капитализма, т.-е. в эпоху предельного углубления его антагонистических свойств, люди, писавшие на своем знамени насильственное уничтожение капитализма, ориентировались в практике—а там и в теории—на смягчение капиталистических противоречий. «Центр»

[1]) Handbuch d. Parteitage, стр. 238.

[2]) В 1905 г. Каутский отверг критерий оборонительной и наступательной войны для нашей эпохи; см. его статьи в «N. Zeit», а в Штуттгарте и Эссене он выступал с большим огнем против этого критерия.

[3]) Примечание № 98 к «Империализму».

[4]) «Мертвый шовинизм и живой социализм» в сб. «Против течения».

отражал в себе неизбежную внутреннюю противоречивость массового рабочего движения, поскольку оно в эпоху империализма продолжает пользоваться направлением, соответствующим доимпериалистическому развитию капитализма и не выходит за его границы. Рано или поздно это противоречие находит свое естественное (и единственное) разрешение—рабочее движение меняет свое направление, берет курс на революцию. Каутский по многим причинам был приспособлен к тому, чтобы изжить центризм рано, а не поздно. Прекрасное знание Маркса и Энгельса, теоретическая закалка в борьбе против ревизионизма[1]), отсутствие связи с профессиональным движением, питавшим наиболее глубокие корни оппортунизма, сравнительно слабая партийно-бюрократическая и партийно-парламентская работа, создавшая психологический тип социал-демократического вождя,—все это делает понятным, почему именно Каутский был тем человеком, который «подавал самые благоприятные для немецкого социал-демократа надежды». Увы,—он их не оправдал. «Официозный теоретик»[2]) перевесил все задатки и все предпосылки революционера.

Но в тот период судьба Каутского еще не была решена. Он писал:

«Ныне социализм стал уже экономической необходимостью, а время его прихода—только вопросом власти. Доставить эту власть пролетариату—вот сегодня больше чем когда-либо важнейшая задача социал-демократии. Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые считают, что на ряду с этим следует заботиться о дальнейшем развертывании сил капитализма» («Sozialismus u. Kolonialpolitik», стр. 37). «Пролетариат в настоящее время так окреп, что он с большим спокойствием может ожидать надвигающуюся войну. О преждевременной революции не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее почерпнуть, и когда ее перестройка стала условием его дальнейшего под'ема» («Путь к власти», Птг. 1918, 73). «Заботливые друзья боятся, как бы социал-демократия путем революции не пришла преждевременно к государственной власти. Но, если возможно для нас преждевременное достижение государственной власти, то это будет приобретением призрака власти перед революцией, т.-е. раньше, чем пролетариат завоевал действительную политическую власть. Пока это не удалось, социал-демократия может принять участие в государственной власти, лишь продавая свою политическую силу буржуазному правительству. Пролетариат, как класс, при этом никогда не может выиграть; в лучшем случае могут выиграть только парламентарии, которые заключили торговую сделку» («Путь к власти», 78).

Подобных цитат можно привести немало из тогдашних писаний Каутского. См. особенно почти программную ст. «Positive Arbeit u. Revolution», «N. Z.», 27—2. Каков же тот теоретико-экономический фундамент, на котором покоилась эта блестящая революционность?

[1]) Правда, в этой борьбе Каутский по ряду существенных вопросов не сумел уловить коренные ошибки ревизионизма. Каутский часто принимал бой на немарксистской платформе, принимал подсовываемую Бернштейном ошибочную постановку вопроса, воюя с ним в пределах этой постановки. Пример тому см. ниже, в заключительной главе.

[2]) Выражение Розы Люксембург.

Теория современного капитализма, развиваемая Каутским в 1907 г., состоит в следующем:

1. «Производство все снова и снова находит свою границу в рынке. Если капиталистический способ производства в величайшей степени повышает производительность в выработке массовых продуктов, то одновременно он ограничивает массовое потребление рабочих, которые производят эти продукты, до минимума, т.-е. производит все больший избыток массовых предметов личного потребления, который должен быть продан вне рабочего класса. Место для сбыта этого излишка создается, прежде всего, уничтожением примитивной сельской домашней промышленности и ремесла, сначала в своей стране, затем в других странах. Но такого рода расширение рынка идет значительно медленнее, чем расширение производства. Время от времени последнее все снова наталкивается на препятствия» («Soz. u. Kol.-pol.», 35).

2. Стремительно суживающийся потребительский базис приводит уже в 80-е годы старые капиталистические страны к затяжному кризису. Кризис этот не разрешим нормальными капиталистическими методами, т.-е. методами, присущими здоровому, прогрессивному капитализму, развивающему производительные силы. Это доказывает, что капиталистический способ производства себя изжил. Казалось, что расширение рынка для предметов личного потребления подошло к своему пределу. Оставался, как будто, один путь: увеличение потребления рабочего класса. «Преодоление капиталистов, ближайшие интересы которых противостояли расширению пролетарского потребления, и победа рабочего класса стали, казалось, настойчивой экономической необходимостью, осуществление которой должно произойти в короткий срок» (Там же, 36).

3. Поэтому капиталисты вынуждены преодолевать сужение потребительского базиса противоестественными методами. Они «нашли ряд выходов, чтобы продлить свое господство, правда, все они сводились к тому, чтобы, с одной стороны, сжать производительность труда, а с другой—усиленно расточать на ветер продукцию. Этим капиталисты добиваются того, что производство идет вперед, временами даже исключительно удачным темпом, но за счет производительности труда, который частью тормозится, частью растрачивается без пользы» (36). Каковы же эти противоестественные методы?

4. Во-первых. Ограничение внешней конкуренции путем протекционизма, при чем «вводятся не только индустриальные, но и аграрные пошлины», а это явственно показывает, что задача протекционизма не в ускорении промышленного развития, а в обеспечении сверхприбылей собственникам средств производства за счет потребителей, путем сокращения потребления (36).

5. Во-вторых. Ограничение внутренней конкуренции посредством предпринимательских об'единений. «Не усовершенствование техники, а усовершенствование предпринимательской организации становится теперь решающим фактором прибыли». Реализация сверхприбылей посредством взвинчивания монополь-

ных цен, которое осуществимо тем лучше, «чем меньше масса произведенных товаров, т.-е. их предложение на рынке» (36, 37).

6. В-третьих. Милитаризм. «Человечество никогда еще не видело такой отвратительной и колоссальной системы сужения производительных сил». «Но капиталистический способ производства так далеко зашел, что он в этом безумии нуждается, если хочет продолжать эксплоатацию трудящихся масс» (37, 38).

7. В-четвертых. Экспорт капитала. Чтобы избежать необходимости производить все больше средств потребления для рабочих собственной страны, капитализм производит все в возрастающей мере средства разрушения и производства и пути сообщения для заграницы, «т.-е. преимущественно для экономически отсталых аграрных стран». Но, чтобы те могли купить предназначенные для них товары, капиталисты экспортирующей страны доставляют им нужные деньги и тем самым остаются собственниками всех этих сооружений и средств. «Капиталисты здесь вывозят свою продукцию не в качестве товаров для продажи, а в качестве капитала для эксплоатации». Не следует, однако, думать, что эта система развивает производительные силы аграрных стран [1]).

8. В-пятых. Интересы экспорта капитала рождают колониальную политику. Но и колониальная политика представляет «средство продлить жизнь капитализма не ускорением развития производительных сил, но их задержкой» (44).

Разберемся во всем этом теоретическом построении.

Первое, что бросается в глаза, это значительный шаг вперед по сравнению со взглядами 1901 г. Топорный, бесформенный примитив разделения труда между индустриальной и аграрной страной, в качестве «основы современного способа производства», уступил место теории реализации. В двух-трех частных вопросах встречаются формулировки, представляющие даже не развитие старых взглядов, но прямой отказ от них. Так, если прежде гвоздем современной таможенной системы считались аграрные пошлины, промышленные же рассматривались как придаток к ним, то теперь дело рисуется как раз наоборот: вводятся де «не только индустриальные, но и аграрные пошлины». Но, конечно, самое существенное—это попытка охватить все наиболее характерные черты современной экономики, исходя из одного принципа—растущих затруднений реализации. Еще в 1902 г. в «Теориях кризисов» Каутский приходит к этому принципу. «Спрос со стороны капиталистов и эксплоатируемых ими рабочих оказывается недостаточным для поглощения средств погребления, создаваемых крупной капиталистической промышленностью. Последняя должна искать добавочного рынка за пределами капитализма—в отраслях и странах, не производящих еще по-капиталистически» (Русское изд. 1923 г., стр. 36). Но только в 1907 г. эта общая тенденция капиталистического развития была рассмотрена в применении к современному отрезку этого развития и, тем самым, была предложена развернутая теория современного капитализма.

«Новая индустриальная система», для которой у Каутского не нашлось теоретического места в 1901 г., в теории 1907 г.

[1]) Подробное развитие этой мысли см. там же, стр. 39—41.

недурно умещается. Достигается это посредством того основного положения, согласно которому тенденция к росту затруднений реализации приводит в 80-е годы к невозможности реализации при старых методах капиталистического хозяйствования. «Новая индустриальная система» здесь выступает как единственный метод, который еще остался капитализму, если он хочет продолжать выколачивать прибавочную стоимость. Поэтому капиталистические об'единения, колониальная политика, милитаризм рассматриваются теперь Каутским как явления, которые могут исчезнуть лишь вместе с капитализмом. «Преодоление милитаризма, также как и системы картелей и трестов, ныне возможно только через социализм» (38). То же и относительно колониальной политики, которая у Каутского выступает лишь следствием экспорта капиталов (стр. 75 и сл.). С протекционизмом, правда, не так гладко [1]).

Итак, конститутивным началом «новой индустриальной системы» является затруднение реализации, выросшее и переросшее в невозможность реализации. Но разве капиталистические об'единения не представляют простого и прямого результата концентрационных и централизационных процессов в капиталистическом обществе? Спору нет, трудности реализации (в особенности длительная депрессия) ускоряют эти процессы,—но разве без непрерывного роста затруднений реализации процессы эти не привели бы к картелям и трестам?

А капиталистическая экспансия (в данном случае—экспорт капитала) разве не является капиталистическим—и капиталистически нормальным—методом развития мирового хозяйства? Почему следует считать естественным, прогрессивным, нормальным развитие капитализма в пределах старых европейских государств, а выход капитализма в Азию и т. д. оценивать, как противоестественное цепляние капиталистов за их способ производства, ставший экономически консервативным?

А дальше прямое противоречие, к которому приводит конститутивный принцип каутскианской теории: постоянный и растущий избыток средств потребления смягчается (изживается) системой усиленного производства средств производства; одну из относящихся сюда формулировок Каутского мы привели выше, когда излагали его взгляды на экспорт капитала. Но тогда перед нами старая-престарая теория «систематического излишка», которая даже не обновила своего словесного костюма.

Еще дальше. В схеме Каутского все четыре отмечаемых им признака современного капитализма—капиталистические об'единения, милитаризм, экспорт капитала и порождаемая последним колониальная политика—теоретически, так сказать, равноценны и равносильны. Они все параллельно один другому вытекают из предельно-сузившегося базиса потребления. Но не голое ли это наблюдение, не продуманное синтетически? Нет ли между этими четырьмя явлениями более глубоких взаимных связей и зависимостей, таких, благодаря которым некоторые из них (явлений) составляют лишь производное от других? Словом, не характерна

[1]) У Каутского нельзя найти в 1907 г. достаточно ясно и недвусмысленно выраженного мнения на этот счет, а в 1904 г. он об'явил режим пошлин, которым ознаменовала себя третья республика, «близорукостью промышленников» («Республика и с-д-ия», Пгр. 1920, 109).

ли для указанных явлений внутренняя связь, а не только внешняя, через равно отдаленный от них узкий базис потребления?

Натянутость схемы Каутского бьет в глаза. Но, конечно, она выше и богаче первобытных взглядов 1901 г. В известной мере она также выше, интереснее, нежели будущая теория Розы Люксембург, которая, правда, одета в совершенно своеобразную форму—критики марксовых схем воспроизводства, но по своему содержанию представляет шаг назад от Каутского, именно потому, что Каутский попытался дать об'яснение разнообразию современной капиталистической действительности, Роза же застыла на формулировке закона, общего для всей капиталистической истории. Ее крупной заслугой в истории политической экономии остается при этом, разумеется, тот факт, что, предложив наиболее разностороннее и глубокое обоснование теории систематического излишка, особенно сильное именно потому, что оно было открыто направлено против Маркса, Роза Люксембург неудачей своей критики окончательно опорочила скептическую теорию о капиталистическом развитии.

Мы должны обратить внимание на ту сторону взглядов Каутского, которая роднит схемы 1901 и 1907 г.г. при всем различии грубого наброска и отделанной работы, которое им присуще. Читатель заметил, конечно, что все современные хозяйственные формы, всю «новую индустриальную систему» Каутский представляет исключительно в отрицательном свете. Пока речь идет о милитаризме, это полностью согласуется с непосредственным пониманием и с очевидностью. Но, когда дело доходит до экспорта капитала, Каутский не стесняется «забыть» ту азбучную истину, что проникновение капитализма в натуральную среду не только разоряет коренное населенье, но поляризует его, перерождает натуральные отношения в капиталистические и этим адски-болезненным процессом развивает предпосылки к превращению застойного феодального хозяйства в накопляющее капиталистическое хозяйство. Рассуждения Каутского по этому вопросу изумляют наивностью и беспомощным негодованием [1]). Замечательнее всего, однако, общая формулировка экономического содержания новой системы. Методы этой последней «все сводятся к тому, чтобы, с одной стороны, сжать производительность труда, с другой—все большие массы продуктов бросать на ветер». Но как же тогда возможно, что «производство идет вперед, временами даже исключительно удачным темпом»? Ведь приписка: «за счет производительности труда, который частью тормозится, частью растрачивается на ветер» призванная разрешить противоречие, только повторяет первую формулировку, но и на йоту не делает более понятным возможность роста производства.

При стопроцентном отрицании современного капитализма, которое даже случаи «исключительно удачного темпа» роста производства об'ясняет ограничением общественной производительности труда (понимай как хочешь!), которое отказывается видеть, что как раз «современная индустриальная система» сказочно, ни с каким прошлым не сравнимо, двигала вперед производительные

[1]) См. «Soz. u. Kol.-Pol.», 39—41.

силы, которое замыкается в книжный, а, по существу, обывательский скепсис и совершенно игнорирует реальные общественные процессы,—конечно, при таком отрицании всякого прогрессивного значения современного капитализма революционные выводы сами напрашиваются. Выше мы привели целую страницу революционных выписок из разных работ Каутского рассматриваемого периода. Мы можем их сейчас дополнить несколькими цитатами, относящимися специально к империализму, который Каутский, в сущности, и в то время (как всегда) отождествлял со стремлением к колониальным захватам. «Империалистическая идея возникает одновременно с картелями, новым протекционизмом, системой милитаризма и маринизма, новой колониальной эрой, начиная с 80-х г.г. Она со всем этим тесно связана и есть дитя все той же экономической ситуации, которая все больше превращает капитализм из средства развития высочайшей производительности труда в средство задержки этого развития» (Soz. u. Kolonialp., 65). «Но империализм не в силах обеспечить для промышленности ни рынка, ни поставщиков сырья. Напротив, он угрожает свободным сношениям покупателей и продавцов на мировом рынке, а только такие сношения могут удовлетворять современную промышленность» (66).

Меж тем империализм приближается к своему концу. «Вся Восточная Азия, как и весь магометанский мир, поднялась для самостоятельной политики, для противодействия всякому господству извне. Этим останавливается развитие империализма. Он уже не может двинуться с места. А между тем, необходимо развивать его все далее по мере того, как капитализм развивается» («Путь к власти», стр. 71).

Для Каутского того периода империализм, следовательно, неразрывно связан с последним этапом капиталистического развития, крушение империализма означает в то же время крушение всей капиталистической системы. И он с воодушевлением восклицает: «Империализм есть единственная надежда, единственная идея, мерцающая в будущем перед взорами существующего общества. Вне ее—только один исход,—социализм. Безумие «мировой политики» будет расти до тех пор, пока пролетариат не завоюет себе власть направлять внешнюю политику государства, не преодолеет политики империализма, заменив его социализмом» («Путь к власти», 68).

При рассмотрении взглядов Каутского 1901 г. мы убедились, что Каутский, не понимая противоречивой прогрессивности «современной индустриальной системы», видит в ней не больше, чем неиспорченный капитализм, и считает, что социал-демократия может и должна вести борьбу с новейшими извращениями «естественного» капиталистического развития, которые порождены «политикой насилия» некоторых могущественных капиталистических групп, но, с одной стороны, противоречат интересам всего остального капиталистического мира и, с другой стороны, являются помехой по пути прямого движения к социализму. Мы видели, что в 1905—1909 г.г. Каутский перерос этот детский лепет. Но основной, теоретический подход к явлениям современного капитализма остался по существу тем же, что в 1901 г.: тот же испорченный капитализм. Разница в том, что теперь Каутский видит в этой порче агонию капита-

лизма, от которой он уже не может быть спасен. Каутский не хочет видеть, что современный капитализм неизмеримо выше старого —и по способностям к рационализации использования производительных сил, и по способностям к количественному их расширению, что эту свою беспримерную в истории способность он приобрел вследствие того, что в его недрах выросли новые, высшие формы общественного производства, которые он к себе приспособляет, и к которым он должен сам приспособиться, чтобы удержать в своей оболочке перерастающие ее производительные силы; что продуктом этого взаимоприспособления являются уродливые, иррациональные хозяйственные формы, функция которых слить и направить к одной цели несоединимое и взаимно-исключающее; что иррациональность и болезненность этих форм возрастает по мере того, как растут (интенсивно и экстенсивно) производительные силы и недостаточность для них капиталистической хозяйственной оболочки; что по мере того, как, в связи с этим капиталистическая система теряет экономическую почву, она пытается дополнить и заменить ее системой насилия, которая становится хозяйственным методом и идеологией современного капитализма; одним словом, что «современная индустриальная система» показывает себя чертовски эластичной и многообразной, имея на своей стороне могучую силу инерции хозяйственного процесса и не менее могучую человеческую агентуру, составленную из самых различных групп (включая на известное время и некоторые пласты рабочего класса), которые все прикованы капиталистической формой производства к колеснице капитализма, будучи снабжены, конечно, совершенно различными хозяйственными мотивами. И отдаленно не представляет себе Каутский этой сложной диалектики «новой индустриальной системы». Ни слова не говорит он даже о противоречии между капиталистической формой собственности и размерами производительных сил. Даже в образцово-развитом виде (1907—1909) его упрощенная механическая концепция берет лишь поверхность явлений, да и то односторонне. Где же корни слабенькой каутскианской философии испорченного капитализма, совершенно недостаточной, конечно, для революционного пролетариата?

В непреодоленной традиции политической и теоретической. Каутский целиком стоит — в политике и в теории — на почве старого, национального, капитализма. От него, как от печки, танцует он при исследовании новой индустриальной системы. Его закономерности Каутский примеривает к современному капитализму, переросшему в мировую систему. Между тем, одна из важнейших граней, отделяющих старый капитализм от нового—это превращение капитализма, стремящегося к собиранию, к сколачиванию мирового хозяйства, в капитализм, поставленный перед задачей организации мирового хозяйства. Кто не понял этого, тот будет стоять перед лицом современной экономики, как провинциал в столице, с отсталыми представлениями, негодными мерками, смешной моралью. Нормы его практического катехизиса будут отскакивать от живой жизни, как только он попытается согласно им строить свои поступки. Его участь будет заслуживать сожаления, ибо повседневные заботы приучат его склонять свой образ мысли

перед маленькими и большими житейскими уроками столицы. Правда, наш провинциал найдет прекрасных учителей в лице столичных обывателей, обходящихся без высоких принципов и в полной душевной радости живущих со дня на день; он сам будет перерождаться в такого «реального» обывателя. Но пока в груди его не угаснет страсть к философским и критическим обобщениям, над ним будет висеть угроза превратиться в реакционного утописта...

Экспорт капитала, современный протекционизм, колониальная политика, милитаризм—это все явления мирового хозяйства. По существу дела, все это—капиталистические методы разрешения основного экономического вопроса современности, создания и рациональной организации хозяйственной территории, охватывающей весь земной шар. Неимоверно углубляя, расширяя и концентрируя производственный аппарат, раздвигая рамки хозяйственных связей до пределов мирового рынка и, в то же время, консолидируя отдельное национальное хозяйство в монополистическую систему, а национальное государство превращая в непосредственную функцию этой системы, капиталистическое развитие подводит человечество вплотную к этому вопросу. Может ли он быть разрешен капиталистическими хозяйственными методами? Вот центральная, все вокруг себя собирающая проблема современного нам отрезка истории, который в большом историческом разрезе представляется как эпоха борьбы капитализма и социализма за то, кто сумеет рациональное мировое хозяйство создать и развивать. В этой величайшей борьбе из всех, которые знала человеческая история, капитализм обречен. Почему? Потому что, если мировое разделение труда должно осуществляться как задача капиталистической деятельности и методами капиталистической конкуренции, то этим обеспечена растущая и безысходная антагонистичность процесса. Потому что для осуществления об'ективной тенденции, ныне поставленного в порядок дня, требуется точка зрения мирового разделения труда, т.-е. равноценности всех частей мирового хозяйства, капитализм же выдвигает точку зрения экспортируемого капитала и т. д., т.-е. деление на активных членов мирового хозяйства и пассивных, на суб'ектов и об'ектов, или проще—на эксплоатирующих и эксплоатируемых. Практически—это означает борьбу нескольких «акгивистов», ибо интересы монополистически-организованных капиталов разных стран сталкиваются именно в этом пункге. Вместо планомерной организации мирового разделения труда получается, таким образом, насильственное включение новых областей в ту или иную систему национального разделения труда и борьба вокруг такого включения. Вместо растворения национальных хозяйств в едином мировом хозяйстве, получается закрепление и обособление национально-хозяйственных образований. Война порождает даже экономическую идеологию автаркии. Так, тенденция к созданию мирового хозяйства неизбежно превращается капитализмом в тенденцию к разрыву ищущего своего осуществления мирового хозяйства.

Только так стоит проблема империализма в действительной жизни. Каутский же, который в рассматриваемое время правильно указывал ряд реакционных политических последствий империа-

лизма, ограничивал ими свою теоретическую критику и потому был не в состоянии вскрыть действительные экономические противоречия современного капитализма. В самом деле:

1. Протэкционизм.—Исторической задачей старого протекционизма было создание национального капиталистического хозяйства, функция современного протекционизма—создание мирового капитализма в ту эпоху, когда национальное хозяйство уже сколочено в монополистическую систему. Отсюда оборонительный характер первого и наступательный характер второго. Отсюда—возможность аграрных пошлин в системе картельного протекционизма, возможность, которая при достаточной силе землевладельческого класса превращается в действительность. Всего этого, конечно, Каутский не видит. Для него старый протекционизм имел оправдание в том, что он защищал отечественную промышленность от пронырливых иностранцев и защищал притом невысокими пошлинами. Для нынешнего же протекционизма Каутский отказывается признать какое-либо об'ективное основание: ведь он способствует лишь ограблению отечества привилегированной группой капиталистов и задерживает национальное потребление. «Для промышленной страны, как Германия, Франция, Соединенные Штаты, Англия, свобода торговли является наименьшим из зол»—излагает он в 1901 г. свой взгляд, от которого он к 1907 г. не освободился.

2. Экспорт капитала.—Вывоз капитала—это тенденция современного хозяйства к рациональному распределению производственных ресурсов в мировом масштабе, как она реализуется в условиях капиталистической формы общественного производства. Имея в качестве об'ективной функции—уменьшение неравномерности в развитии отдельных составных частей мирового хозяйства, экспорт капитала ведет к усложнению этой неравномерности, к усилению эксплоатации отсталых народностей, к их подчинению интересам экспортируемого капитала, к созданию государств-рантье. Но и в насквозь противоречивой форме об'ективный процесс все же прокладывает себе дорогу. Всего этого, конечно, Каутский не видит. Вся его критика экспорта капиталов состоит в патриотическом осуждении: ведь он развивает чужие страны за счет родного отечества.

3. Колониальная политика. Она, по Каутскому, лишь следствие экспорта капиталов. Выше мы показали, как,—с целью обосновать исключительно разрушительную роль колониальной политики—Каутский выбрасывает за борт азбуку марксизма.

4. Капиталистические об'единения, монополии.—Это—производственная система современного капитализма. Она вырастает как естественный результат предыдущего капиталистического развития, составляя высший предел присущих капитализму концентрационных и централизационных процессов. Она составляет (включая и монополистические банки, которых Каутский совершенно не замечает) тот организационный и регуляторный аппарат, который капитализм пускает в ход для разрешения проблемы рационального мирового разделения труда. Связь между этой проблемой и экономическим аппаратом для ее разрешения насквозь диалектична. Они рождаются одновременно. Аппарат этот есть не что иное, как адэкватная экономическая форма общественного производственного процесса на той ступени развития (экстенсивного и интенсивного), когда решающее значение приобрела мирохозяйственная проблема. С другой стороны, сама монополистическая система форсирует развертывание мировых экономических задач. В системе монополистического капитализма заложено глубокое противоречие. Он с большим или меньшим успехом организует национальный капитализм и придает ему гигантскую силу путем «сращения» его с аппаратом государственной власти (последнего Каутский не видит). Он, таким образом, снаряжает национальный капитализм на борьбу за мировое хозяйство. Но именно здесь, на мировой арене, где смертью угрожает сфинксова загадка современной экономики, монополистическая система, т.-е. единственно возможная «плановая» система капитализма, находит свой предел. Лишний раз подтверждается, что методы капиталистического производства являются экономическим коррелатом лишь того отрезка человеческой истории, который охватывает эпоху национальной консолидации человечества. В пределах национального хозяйства капитализм в состоянии наладить даже подобие планомерного производственного процесса, правда, за счет неслыханного усиления гнета над потребителем и при непременном наличии внешней сферы эксплоатации. Но для мирового хозяйства капитализм и в эпоху мирохозяйственной проблемы предлагает только конкуренцию и притом такую, которая постоянно переходит в свою высшую форму — милитаризм и войны. Капиталистический способ производства находит свое крушение вследствие имманентной неспособности рационально организовать мировые производительные силы именно в то время, когда рациональное мировое хозяйство становится conditio sine qua non экономического, а значит и всякого развития человечества. К этому времени,—а это и есть та эпоха, в которую мы живем,—капиталистическое развитие подготовляет класс, который на опыте разрушительных и мучительных катастроф и «мирных» методов капитализма последней формации научается понимать судьбу капиталистической системы и свою историческую задачу. Он берет на себя тяжелую задачу ликвидации капиталистического способа производства и утверждения нового, обобществленного хозяйства, соответствующего требованиям экономического развития.

Всего этого, конечно, Каутский не видит. Экономическая критика у него и здесь по существу заменяется политическим осуждением, а это последнее базируется в основном на патриотической аргументации: картели и тресты ограничивают национальную продукцию, жмут отечественного потребителя и т. д.

Посмотрите, как Каутский тащит рабочий класс назад, к национальному корыту. В 1901 г. он таким доводом доказывает невыгодность экспорта капитала для рабочего класса: «Рабочие не считают своим интернациональным долгом уменьшать себе возможность получения работы и самих себя обременять для того только, чтобы их эксплоататоры могли эксплоатировать также другие страны и втягивать рабочих этих стран в конкуренцию с рабочими собственного отечества» (Торговая политика и т. д., стр. 71).

А в 1907 г. Каутский, об'ясняя, почему рабочий класс должен выступать против колониальной политики, указывает для этого

два основания: «этическое чувствование пролетариата и солидарность интересов, которая связывает его с трудящимися всех стран»; что Каутский понимает под этой солидарностью, видно из тут же делаемой оговорки: «в Германии, с ее молодой колониальной политикой, не дает себя еще настоящим образом чувствовать приход экспроприированных черных из Африки в Европу с целью понизить здесь заработки» («Sozialismus u. Kolonialpolitik», 62) [1]).

Не правда ли, замечательный исторический курьез, когда смертный враг оппортунизма, Каутский 1907 г., воспитывает рабочий класс передовых стран в духе национально-капиталистического превосходства и привилегированности? Революционность Каутского в вопросах империализма практически сводилась к программе борьбы с конкуренцией иностранных рабочих, т.-е. попросту к программе национальной ограниченности. И это в лучшие его годы, в те годы, когда мы привыкли считать Каутского безукоризненным революционером-марксистом. Происходило это, в значительной доле, от того, что сердцевина каутскианских представлений о современном капитализме была гнилая, не только не охватывала современного капитализма, но шла вразрез с его движущими силами и тенденциями.

III. Торжество трезвости (1910—1914).

I.

Годы 1910—1912 были поворотным этапом в развитии социал-демократического центра. За это грехлетие заканчивается оформление центра в последовательно-реформистское течение рабочего движения, т.-е. находят свое завершение давно дававшие себя знать тенденции «реальной политики». К концу этого срока Паннекук мог с полным правом приравнивать тактику центра к ревизионистской. Но и сомнения трезвости в начале этого периода были ничтожны. Процесс совершился быстро и легко, как будто прорвалась плотина, задерживавшая его развитие. Он раз-

[1]) Вот другой пример практического оппортунизма Каутского из этого периода его теоретического красного цветения—на этот раз из колониальной политики. В той же книжке, где изложена, полная критических и чуть ли не революционных картин, теория новейшего капитализма, в «Sozialismus u. Kolonialpolitik», практическая позиция Каутского в колониальном вопросе изложена следующими словами: «Было бы совершенно излишне, если бы мы сегодня себе ломали головы над вопросом, что же следует проводить в каждой отдельной колонии, чтобы двинуть вперед ее освобождение. Искать разрешения этой сложной проблемы, которая различна для каждой колонии, означало бы делать совершенно лишнюю работу, ибо класс капиталистов никогда добровольно не откажется ни от одной колонии». «Орудия власти капиталистических наций так неимоверно велики, что нельзя ожидать, чтобы какое-нибудь из восстаний туземцев могло бы в настоящее время достигнуть своей цели. Они могут только ухудшить участь туземцев Как бы мы ни поничали такие восстания и как бы мы ни сочувствовали повстанцам, поощрять их социал-демократия не может» (стр. 75—76). Другое место из той же книги бросает свет на подлинный смысл всех разговоров Каутского о революционных задачах рабочего класса. Касаясь вопроса об осуществлении социализма, Каутский заявляет: «по поводу этого вопроса можно заниматься лишь пустопорожними фантазиями без малейшей практической цели, ибо наше нынешнее поведение не может стоять с ним в связи» (59).

Таковы, мягко выражаясь, некоторые изгибы в практике Каутского «левой» формации...

вернулся в форме борьбы с левыми—и совместных выступлений с правым крылом на с'ездах, в печати, в повседневной практике. Три схватки составляют эту борьбу—1909—10 г.г. с Розой Люксембург и Паннекуком, 1911—12 г.г. с Радеком и Ленше, 1912 со всей левой плеядой. Со стороны центра выступал, главным образом, Каутский. В 1909—10 г.г. дискуссировались вопросы о массовой стачке, о роли парламентаризма, о тактике измора. В 1911—12 г.г. развернулась дискуссия об отношении к войне, к лозунгу разоружения и вообще к империализму. В 1912 г. были заделы коренные вопросы революции и подготовки к ней. В этой борьбе складывалось революционное течение внутри германской соц.-демократии, при чем с каждым разом принципиальность споров возрастала, а на третьем этапе перед нами столкновение двух различных идеологий в их основных элементах. Откристаллизовывался и очищался характер спора. И если левые еще спорили с оглядкой, аргументируя прошлым Каутского против настоящего, и если, с другой стороны, концепция левых радикалов страдала незавершенностью, детской левизной и противоречиями,—то все же обе стороны под конец борьбы ясно понимали, что дело идет о смене тактики, что оппозиция противопоставляет новую тактику «старой испытанной тактике, возведенной в систему в своей отрицательной стороне» (Паннекук).

Достаточно указать два факта из партийной политики этих лет, чтобы содержание процесса выступило недвусмысленно: притупление избирательной кампании в рейхстаг, имевшее целью подготовить парламентский блок с либералами («свободомыслящими») и голосование фракции за дополнительные налоги, хотя эти налоги совершенно открыто вызывались усилением вооружения. А Каутский? Мы видели, что в 1909 г. он пишет лучшее в смысле надежд, подаваемых соц.-демократом. К 1911 г. его судьба уже решена. Известно, например, его классически-реформистское отношение к кампании всеобщей стачки за прусскую избирательную реформу, когда он выступил со следующим планом: «Если бы удалось так проводить работу в рейхстаге, чтобы она показывала массам, что избирательное право в рейхстаг имеет для них большую практическую ценность, тогда они поняли бы также значение избирательной реформы в прусский ландтаг... Только через растущее значение рейхстага в сознании народных масс последние могут притти к пониманию значения избирательного права. Противоположный путь, предлагаемый фантазерами о массовых действиях,—рисовать плодотворность рейхстага и тем самым значение избирательного права очень скудными—есть самый ошибочный путь» [1]). Известно, что, примерно, в это же время, в полемике против Паннекука, Каутский писал: «Никогда и ни при каких условиях это (т.-е. победа пролетариата над враждебным правительством) не может вести к разрушению государственной власти, а только к известной передвижке соотношений сил внутри государственной власти... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращения парла-

[1]) Цитирую по Р. Люксембург, N. Z., 31—2, 836, 37.

мента в господина над правительством» [1]). Известна наивная, мещански-сладенькая идейка Каутского о грядущем «новом либерализме», с которой он носился и которую он проповедывал в 1911—1912 г.г. Известно, например, что в 1911 году Каутский писал в связи с вопросом об отношении соц.-дем. к войне: «Тогда все, даже интернационалисты по убеждению, немедленно сделаются патриотами» [2]), а через год, полемизируя с Паннекуком, центр устами того же Каутского пишет свой в точности подтвержденный войною автопортрет: «Вообще, если отечество подвергается нападению, не много найдется соц.-дем., которые откажутся его защищать»... В это время Каутский быстро становится вождем «теоретической официозности» в германской социал-демократии [3]). Никогда еще теоретическое познание так непосредственно, от случая к случаю, не подчинялось практическим задачам, как это происходит у Каутского в рассматриваемый период. Поистине небывалое измельчание теории. Оппортунизм обладает волшебной палочкой: тот, кого она коснется, теряет потребность, а значит и способность сингетического мышления, тот безнадежно погиб для марксизма.

Против этого политического сползания [4]), подкрепляемого теоретическим подслащиванием, выступили левые радикалы, поднятые широкой волной оживившегося рабочего движения. Радек в следующих словах дает диагноз партийной болезни: «Умственная жизнь партии отставала от темпа капиталистического развития»... «Нужно вытравить из своего сознания все пережитки старой идеологии, которая когда-то в части своей имела серьезное обоснование, но теперь противоречит действительности и приводит только к заблуждениям» [5]). А Паннекук дает общую формулировку задач: «Имевшие до сих пор место массовые выступления составляют лишь начало п е р и о д а революционных классовых боев, в течение которого пролетариат должен не пассивно выжидать, пока извне пришедшие катастрофы начнут сотрясать мир, но должен сам непрестанно наступать, чтобы, двигаясь вперед в тяжелой, полной жертв работе, создать свою силу и свою свободу. Это и есть «новая тактика».

---

[1]) «Die neue Taktik», «N. Z.», 30—2, 726.

[2]) «Krieg u. Frieden», «N Z», 29—2, 104.

[3]) В 1913 г. Р. Люксембург, которой принадлежит это выражение, писала про теоретические упражнения Каутского: «Это такая официозность, чище которой в нашей партии и, во всяком случае, в органе духовной и теоретической жизни социал-демократии никогда не практиковалась. И, во всяком случае, это такое употребление теории, которое ничего общего не имеет с духом марксизма. Далеко от духа марксизма такое теоретическое познание, которое плетется позади практики и которое для всего совершаемого и поощряемого верховными властями соц.-демократии стряпает успокоительную кашицу» («N. Z.», 31—2, стр. 841 — «Das Oftiziosentum d Theorie»).

[4]) В связи с открытием Хемницкого партейтага (осень 1912 г.), на котором предстояло обсудить ряд важнейших политических и организационных вопросов, Каутский мог уже прямо констатировать: «Плоскость трений между правым и левым крылом нашей партии все уменьшается, и даже там, где практика еще дает повод для критики, эта критика теряет свою нервозность, так как немногие отклонения представляются уже не началом отхода от основ нашей тактики, но лишь пережитками мелко-буржуазных влияний из маленьких государств» («Zum Parteitag», «N. Z.», 30—2, 882). Под левыми Каутский понимает, конечно, центр.

[5]) «Наша борьба против империализма», статья в «N. Z.», май 1912 г., цит. по I тому «Германск. революц.», стр. 161.

которую можно с полным правом назвать также естественным продолжением старой тактики в ее положительной стороне» [1]).

В наши задачи не может входить изложение или критика лево-радикализма в германской социал-демократии. Мы несколько остановились на партийных боях 1910—1912 г.г., чтобы сделать более ясной дискуссию об империализме, которая разыгралась в это время между Каутским, с одной стороны, и Радеком—Леншем — с другой, и без которой невозможно понять историю взглядов Каутского на империализм. В сущности, эта дискуссия подводила общетеоретическую базу под споры о тактике, и этой современностью, даже злободневностью дискуссии по теоретико-экономическому вопросу об'ясняется настойчивость и застрянность борьбы с обеих сторон.

Практическим стержнем спора был вопрос о разоружении, как социалистическом лозунге борьбы с надвигающейся войной. Но с самого начала было понятно, что это лишь часть большого вопроса об отношении социал-демократии к империализму. А о последнем Радек правильно писал: «Основная причина различий в нашем отношении к империализму сводится к вопросу о его характере. Что представляет собою империализм, каково его отношение к капиталистическому развитию вообще и к экспансии мирового хозяйства в частности?» [2]).

Какова была позиция левых?

Подробный анализ их теоретической аргументации вскрыл бы много интересного для истории научной теории империализма. Мы находимся здесь у истоков марксистской теории современного капитализма, нашедшей свое мастерское выполнение уже позднее, в работах Ленина. Однако не эта сторона нас здесь занимает. В этой связи для нас достаточно подчеркнуть выводы лево-радикалов.

В книжке «Германский империализм и рабочий класс» (1911) Радек писал:

«Капитал видит в империализме свое последнее убежище. Тресты и картели дали ему возможность бороться с развитием производительных сил или, по крайней мере, избегать вытекающих из него неблагоприятных для капитала последствий в виде, например, падения цен. Милитаризм и колониальные предприятия заменяют ему сузившийся внутренний рынок. Растущая сила государства дает ему возможность подавлять пролетариат. Капитал не знает, что все это—паллиативы, которые лишь на время помогут ему держаться на поверхности и дадут ему только отсрочку перед казнью... Он всеми силами цепляется за империализм и готов сломить всякое сопротивление, какое только встанет перед его империалистическими интересами... Таким образом, пролетариат поставлен перед тем фактом, что империализм грозит ему величайшими опасностями, и что нет возможности навязать капитализму другую политику, не выбивши предварительно из его рук политической власти. Это приводит пролетариат к борьбе за социализм... Вопрос о социализме стал теперь вопросом о власти. Если рабочий класс вырвет власть из рук капитала, то у него не будет иной цели, кроме осуществления социализма. Отсюда следует: только окончательное искоренение империализма об'единяет рабочих в борьбе за социа-

[1]) «Massenaktion u. Revolution», «N. Z.», 30—2, 593.

[2]) Цит. статья, 145.

лизм, от которого империалистическая политика должна была спасти буржуазию. Империализм против социализма!» («Герм. рев.», т. I, стр. 141—142).

А Ленш развивал мысль, что капитализм в наше время задыхается в собственном жиру. «Картельная система довела до предела революционные противоречия между мощно подымающимися производительными силами общества и частно-капиталистическим способом производства» («Improvisation», «N. Z.», 30—2, 365). «Империализм есть последняя фаза капиталистического развития, с необходимостью приводящая к социализму». «Империализм в действительности означает эпоху революции, он—последнее слово капитализма» («Miliz. u. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 769/70). «Социализм перестал быть далеким идеалом, он стал неминуемой целью практической политики. Капиталистическому призыву к империализму нам абсолютно нечего противопоставить, кроме как призыв к социализму» («Die neuen Wehrvorlagen», «N. Z.», 30—2, 74).

Ту же мысль доказывал и Паннекук: «Социализм—это не новое состояние, которое наступит где-то в конце пути, когда поезд проехал достаточно далеко и силы его истощены. Социализм означает совершенно новое, иное направление развития, которое может быть начато в каждой точке нынешнего развития, и которое в действительности будет начато со дня завоевания власти пролетариатом» («Das Wesen unserer Gegenwartsforderungen», «N. Z.», 30—2, 814).

Отсюда понятно отношение лево-радикалов к лозунгу разоружения. Они вспоминали фразу Бебеля на Иенском партейтаге: «Знамение времени не разоружение, а вооружение». Ленш указывал: Нам предстоит устранить соперничество в вооружении «не как частичное проявление империализма, не как особую болезнь, для которой у нас имеется особое лекарство in petto—подобное шарлатанство партия всегда отклоняла,—но в его связи с общим империалистическим развитием» («Miliz. u. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 772). А Радек дал такую общую формулировку: «Социал-демократия должна видеть свою задачу не в поисках целебного бальзама от ран, наносимых империализмом, а в принципиальной борьбе против этого империализма, в отказе от всех его комбинаций и в победе над ними» [1]).

Взгляды Каутского представляли противоположность по всей линии.

Требованию нового курса он противопоставлял положение, что в тактических задачах социал-демократии ровно ничего не изменилось. Он писал осенью 1911 года: «Построение организаций, приобретение всех средств власти, которые мы в состоянии завоевать и удержать собственными силами, изучение государства и общества и просвещение масс: других задач мы еще не можем сегодня сознательно и планомерно ставить себе и своим организациям... Практические задачи, которые мы сегодня можем и должны поставить, ни в малейшей мере не означают новую тактику, они представляют продолжение и укрепление той тактики, которая вот уже больше 4-хдесятилетий ведет нашу партию от победы к победе» («Die Aktion d. Masse», «N. Z.», 30—1, 117).

[1]) «Neue Zeit», май 1912, цит. по «Герм. револ.», стр. 158.

Тот анализ эпохи, который давали лево-радикалы,—«империализм или социализм»,—Каутский не принимал. Для него философия эпохи выражалась в другой альтернативе. «Вопрос о приостановке и ограничении морских вооружений стал в действительности самым настойчивым вопросом десятилетия, которое поставлено перед альтернативой: разоружение или мировая война» («Der improvisierte Bruch», «N. Z.», 30—2, 523). «Война или разоружение—вот проблема. Социал-демократия решительная противница войны. Она хочет ей помешать какой бы го ни было ценой. Поэтому она должна всяческой ценой стремиться к добровольной приостановке соперничества в вооружении» («Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 848).

А тезис левых, что империализм открывает период революций, который должен дать развитию совершенно новое направление,—к социализму,—Каутский парировал следующей теорией: «Весь социализм может быть осуществлен только в форме проведения единичных требований... И социальная революция может быть только ускорением процесса осуществления единичных требований пролетариата» (там же, 846).

Свои взгляды на современный капитализм Каутский изложил наиболее связно в первомайской статье 1912 г. в «Neue Zeit» («Der erste Mai u. d. Kampf gegen d. Militarismus»). Следующие мысли должны быть признаны основными в этой статье:

Первая мысль.—Надо различать среди явлений капитализма, такие, которые представляют жизненную необходимость для капиталистического способа производства, от тех, которые, хотя и покоятся на экономических причинах, но не составляют экономической необходимости. Примером первого рода явлений может служить присвоение прибавочной стоимости или беспрерывное расширение рынка. Примером второго вида явлений Каутский называет стремление к удлинению рабочего дня или захват колоний и сфер влияния, что приводит к соперничеству в вооружении. Второй ряд явлений это не больше, чем способы осуществления жизненных тенденций капитализма. Но если эти пути закрыть, то капиталистическое производство найдет себе другие, и возможно—даже лучшие. Поэтому пресечение системы вооружения «не означает краха капитализма, но лишь необходимость применения иных методов капиталистической экспансии». Но и весь империализм в целом есть явление второго рода, т.-е. хотя и возник на экономической почве, но не является экономической необходимостью. «Империализм,—написано в том же году в другой статье («Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 850—51),—не равнозначен естественно необходимому стремлению капитала к расширению, к открытию новых рынков и сфер приложения, он образует лишь особый метод проведения этого стремления, метод насилия... Насильственность ни в какой мере не составляет необходимого условия экономического прогресса».

Вторая мысль.—«Близорукая алчность, сильнейший инстинкт капиталистов, порождает с их стороны такой образ действий, который ради минутной выгоды приносит вред длительным интересам их собственного класса. Противодействие эксплоататорской жадности капиталистов может очень часто пойти на пользу длительным интересам буржуазного общества».

Эти две мысли составляют посылки каутскианского силлогизма об империализме. О выводе догадаться нетрудно. «Наше

единомыслие с буржуазными защитниками разоружения покоится на общности интересов в этом вопросе между буржуазным миром и пролетариатом. Вовсе не сантиментальное выражение, а трезвый факт, что все буржуазное общество будет точно так же как и пролетариат глубочайшим образом расстроено войной—даже больше расстроено, нежели пролетариат... Это весьма реальные интересы, которые в состоянии оказать внушительное давление в пользу разоружения путем интернационального соглашения, по крайней мере, на более дальнозоркие части буржуазии или на те ее части, которые от вооружения особенно страдают» [1]). И Каутский так формулирует задачу социал-демократии: «Ближайшим нашим делом должно быть: поддержка и укрепление мелкобуржуазного и буржуазного движения против войны и вооружений» («N. Z.», 29—2, 101). С философией эпохи Каутского эта программа увязывается следующим образом: В результате соглашения правительств наступило бы «такое состояние, которое, конечно, не исключило бы наверняка и раз навсегда всякую войну, но по меньшей мере отодвинуло бы ее. А это могло бы свестись к тому, что между европейскими великими державами война оказалась бы устраненной навсегда, так как с каждым годом растет сила европейского пролетариата» (Майская статья 1912 г., 108).

Но критическим пунктом для всякой теории империализма служит проверка на фактах. Каутский берется и свою теорию подтвердить конкретной политической выкладкой. И надо сказать, высокомерная беспомощность, наивная трезвость и самодовольная некритичность филистера достигают здесь своего апогея. Каутский хочет доказать, что нет оснований для борьбы между Англией и Германией, да и вообще между европейскими державами. «Африка полностью покорена, южная Африка примирена с Англией... В настоящее время не существует африканской проблемы, которая бы вызывала противоречие между великими державами [2])... О разделе Китая между великими державами нечего больше и думать... Вообще в Азии империалистические методы насильственного покорения все больше оказываются непригодными, по крайней мере, для западно-европейцев, которые могут попасть в Азию лишь морским пугем. Но все европейские державы имеют противника в лице России. Было бы также в интересах интернациональной солидарности пролетариата, как и экономического развития, если бы Германия, Англия и Франция заключили соглашение о прекращении вооружения и об охране целости Китая, Персии, Турции от посягательств России» («Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2. 851—52).

[1]) Для мещанской наивности Каутского характерно, что в пресловутом английском предложении о разоружении он увидел доказательство своей идеи о значительности буржуазного пацифизма. В ст. «Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 847, можно прочесть невероятные для марксиста рассуждения: «Английское и французское правительства не считают, что соперничество в вооружении есть жизненное условие капитализма. Напротив, они того взгляда, что при сокращении вооружений они достигли бы значительно бо́льшего. И они полностью правы, так как Англия и Франция быстро приближаются к тому пункту, начиная с которого дальнейший рост вооружения для них больше не возможен».

[2]) Вспомним, что это писалось на завтра после итало-турецкой войны.

Таково было рождение будущей теории ультра-империализма. Уже тогда Каутский пытался научно обосновать тенденцию к сверхимпериализму. В майской статье 1912 г. читаем: «То, что вот уже два десятилетия происходит в отношениях между капиталистическими предприятиями, начинает сейчас обнаруживаться в отношениях между капиталистическими государствами. Все они стремятся к экспансии, все они при этом все больше стесняют и задерживают друг друга, увеличивают, поэтому, средства борьбы и умножают издержки своей экспансии до того, что от прибыли ничего не остается. По мере того, как становится все яснее, что продолжение конкуренции губит всех участников, приближается такое время, когда конкурентная борьба между государствами будет вытеснена картельными соглашениями. Это ни в какой мере не является отказом от экспансии национального капитала, это означает лишь переход к более дешевому и безопасному методу» [1]).

На этом мы можем закончить изложение первого издания теории ультра-империализма. Его теоретическая неприглядность избавляет нас от необходимости заняться критикой. К тому же лево-радикальные писатели, в борьбе с которыми эта теория складывалась, довольно хорошо отметили ее ошибки. Радек, полемизируя с Каутским, установил его основной методологический грех—орудование абстракциями, в результате чего вместо живого капитализма выступает несколько абстрактных категорий, которые Каутский комбинирует в нужном ему порядке. Радек правильно указал, что этой схемы недостаточно даже для изложения общих законов капитализма, не говоря уже об особых формах проявления капиталистического способа производства в разные исторические периоды. Радек раз'яснил также связь тактической позиции Каутского с его пониманием империализма. А Ленш прекрасно выразил эту политическую обусловленность каутскианской теории, заявив, что «исторически вся эта идея выросла на парламентской почве» [2]).

Но если в теоретической полемике с центром левые оказались сильнее, то это еще не значит, что они владели безупречной теорией империализма. Их позиция была жизненна; и это делало полнокровными даже неверные, по существу, исходные теоретико-экономические положения. Левые превосходили Каутского тем более, что они пользовались в своей аргументации теми же основными положениями, на которых в свое время стоял их худосочный противник. Вспомним, что излюбленным приемом их политической полемики было противопоставление прошлого Каутского настоящему. Это относится и к теории, в которой они опирались на старые работы Каутского. Из них левые некритически восприняли два важнейших и ошибочных положения: обоснование империализма растущими затруднениями

[1]) Каутский продолжает: «Так, капиталисты Англии и Германии ничего бы не потеряли, если бы оба государства согласовали свою внешнюю политику и на этой основе сократили бы свои вооружения. Объединившись, эти государства могли бы по крайней мере остальные европейские страны побудить присоединиться к их сделке и к разоружению, и капиталисты этих стран могли бы значительно энергичнее и с меньшими препятствиями прон кнуть, по меньшей мере, во все страны восточного полушария (107—108).

[2]) Радек—Герм. рев., т. I. Ленш, «N Z.», 30—2, 771; у Ленша непосредственно речь идет о лозунге разоружения, но по всему контексту это должно быть отнесено, вообще, к империализму.

реализации [1]) и—связанное с этим—представление об империализме, как о политике экспансии новейшего капитализма [2]). Эти глубокие ошибки как бы усиливали революционные свойства теории лево-радикалов, но едва ли успешнее, чем это было с теорией Каутского 1905—1909 г.г. Мы видели, что революционность этой последней была незащищенной революционностью, и притом защиты она была лишена как раз с решающей стороны: со стороны действительной жизни, со стороны успехов империалистического капитализма. В значительной мере это относится и к теоретическим взглядам лево-радикалов.

Хемницкий партейтаг, состоявшийся осенью 1912 г. и обсуждавший вопрос об империализме, по каутскианскому докладу Гааза принял каутскианскую резолюцию, прихорошенную, однако, революционными словечками. Формула Паннекука: «Существует только один путь: через голову империализма к социализму» не встретила отклика. Перед левым движением встала громадная теоретическая задача: углубленнее, последовательнее и шире обосновать свою позицию, и в первую голову—дать систематическую теорию современного капитализма. Именно так стояла задача: у левых было здоровое чутье жизни, была ясная картина явлений и влияний империализма, было реальное представление о целом ряде связей между отдельными проявлениями империализма, было понимание того, что создалась новая система отношений, но их попытки эту систему в ее основных, образующих закономерностях охватить были слабы и безрезультатны. Роза Люксембург взялась заполнить пробел. Шаг был сделан великолепный, да не тот, который нужен был. Книга Розы Люксембург в теоретическом зеркале отразила блестящую нетерпеливость нарастающего революционного движения—в сильных и слабых сторонах. Розе Люксембург не удалось вырваться из старой соц.-дем. схемы растущих трудностей реализации, она лишь придала этой схеме логическую форму железной детерминированности, чтобы она не могла гнуться в любую сторону, как это произошло со схемой Каутского 1905—1909 г.г. [3]).

Но аналогичная теоретическая задача стояла и перед соц.-дем. центром. Предъездовская полемика с левыми обнаружила теоретическую беспомощность центра. Прежняя схема Каутского, развитая им в 1907—1909 г.г., имевшая своей душой революционные предвидения, бессильна перед лицом организационных и материальных успехов империалистического капитализма [1]).

Конечно, Каутский не горюет об этом. Напротив, несостоятельность состряпанной им в прежние годы революционной теории только укрепляет его убеждение в несостоятельности для нашего времени всякой революционной практики. Новая теория современного капитализма должна доказать, что «переход от капитализма к социализму может совершиться без экономического краха» [2]). Каутский пытается приспособить свою старую схему о противоречивом развитии промышленности и сельского хозяйства к новым задачам. Этот последний поход Каутского в чащу «чистой» экономической теории, на котором запечатлены все признаки теоретического старчества, нам предстоит сейчас рассмотреть.

(*Окончание следует*).

---

[1]) Ленш писал: «Капитал втягивает последние еще не подвластные ему области земного шара в водоворот капиталистического развития. Он хватается за последние резервуары, из которых еще можно выкачать жизненную силу и жизненные возможности. Но как только и они окажутся исчерпанными, пробьет последний час капитализма»... Все растут и «уже сильны затруднения, вытекающие из противоречия между производительной силой труда, развившейся до крайних пределов и все суживающимися сферами реализации избыточных капиталов». То же и Радек (см., напр., сб. «Герм. революц.» т. I, стр. 170—171).

[2]) Правда, у Паннекука находим и более широкое определение. Вот его перечисление признаков империализма: «Политика мирового господства, вооружения, именно постройка флота, колониальные завоевания, растущий налоговый гнет, опасность войны, развитие у буржуазии духа насильственности и владычества, внутренняя реакция, приостановка социальных реформ, об'единение предприятий, затруднение профессиональной борьбы, дороговизна».

[3]) Для характеристики теоретической требовательности левого движения уже в ту пору может послужить хотя бы тот факт, что с теорией Розы виднейшие ее политические соратники не солидаризировались. Это относится в особенности к Паннекуку, а также к Радеку.

[1]) Что старая теория Каутского неспособна служить в качестве общей теории новейшей стадии капитализма, чувствовалось уже давно. Книга Гильфердинга (1910) представляет попытку дать такую теоретическую систему современного капитализма, которая бы синтезировала тенденцию к организационному совершенствованию и тенденцию к углублению противоречий,—два основных факта современного капиталистического развития. Уже одна такая постановка проблемы делает исследование Гильфердинга несравнимым с построениями прочих теоретиков II Интернационала по богатству содержания и научной силе. С другой стороны, слабость гильфердинговской теории вытекает из способа разрешения верно уловленной им проблемы. Гильфердингу не удается представить два указанных в тексте факта современного капитализма, как разные стороны одного факта, одной линии современной капиталистической эволюции. Решающее значение здесь, конечно, имеет искривленное понимание природы и движущих пружин капиталистического организационного процесса. Что касается революционных выводов «Фин. кап.», то политически они представляют порождение той эпохи, когда соц.-демократический центр верил в силу «крайних» словечек (экспроприация экспроприаторов, диктатура пролетариата, социальная революция и т. д.), правда, уже не в качестве практических лозунгов или практических перспектив, но еще в качестве агитационных Redensarten. Теоретически же революционные выводы Гильфердинга базируются на росте социальных и политических противоречий финансового капитала, но не экономических, которые Гильфердингом противопоставляются социальным и политическим, и которые, по его взглядам, не представляют непреодолимого затруднения для организационных тенденций современного капитализма. Таким образом, уже в «Фин. кап.», подкупающем яркостью и свежестью мысли, размахом темы, марксистской устремленностью анализа и революционными выводами, за марксистским словоупотреблением и родной нам литературной манерой скрывается совсем не марксистский, а в значительной мере метафизический метод исследования, который заставляет нас признать теорию «организованного капитализма», предложенную Гильфердингом после войны, логическим завершением начатого в 1909 г. анализа. Впрочем, Гильфердингом следует заняться особо.

[2]) Нац. госуд., русское издан. 1917 г., стр. 122.

Каутскианство в теории империализма[1]).

(Из теоретической эволюции соц.-дем. центра).

Э. Лейкин.

(Окончание [2]).

III. Торжество трезвости.

Известно следующее определение империализма, выдвинутое Каутским накануне войны:

«Империализм—продукт высоко развитого индустриального капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации к подчинению и к присоединению к себе все большей аграрной области, не взирая на то, какими нациями она заселена. Чтобы понять это стремление, следует прежде всего уяснить себе взаимодействие сельского хозяйства и промышленности при капиталистическом способе производства. Дабы упростить рассмотрение, мы в дальнейшем отвлекаемся от добывающей промышленности—горного дела, которая занимает среднее положение между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью» («N. Z.» 32—2, стр. 909—«Der Imperialismus»).

Итак, 1907—1909 г.г. похоронены! Да и могло ли быть иначе после того употребления, которое из тезиса о нереализуемости прибавочной ценности сделала Красная Роза? Нет, нет—не в разложении «третьих лиц», которое составляло основу каутскианских построений 1907 г., конститутивный признак современного капитализма. Первопричина во «взаимодействии сельского хозяйства и промышленности при капиталистическом способе производства». Но позвольте, ведь только первые шаги Каутского в первозданном тумане «новой индустриальной системы», слепые и неуверенные, проходили под знаком индустриально-аграрных контроверз капиталистического способа производства! Ведь это же похоже на стариковский возврат к младенчеству! Пусть так, но не забудем, что новые времена приносят новые песни. В 1901 г. Каутский считал: «Не должно, однако, думать, что здесь идет речь об очень далеком будущем». Скоро «базис для разделения труда между индустриальным и аграрным государством окажется слишком узким». А перед войной «образумившийся» Каутский приходит к выводу, что «решительно ошибочны те теории, которые уже для ближайшего будущего устанавливали перспективы такого конца»...

[1]) От редакции. Статья дискуссионная. В критике Каутского тов. Лейкин переоценивает момент единства мирового хозяйства и недостаточно последовательно в отдельных местах вскрывает антимарксистскую сущность каутскианской теории империализма.

[2]) См. № 11 за 1926 г.

Ядром теоретических изысканий Каутского об империализме становится, начиная с 1910 г. (статья в «Neue Zeit» о книге Гильфердинга), идея неравномерного развития сельского хозяйства и промышленности при капитализме. Точнее: идея недостаточного роста сельского хозяйства для потребностей, форсируемого капитализмом промышленного развития. Лучше всего эта теория сформулирована незадолго до войны в следующих словах (об империализме):

«Чтобы промышленность могла расти, сельское хозяйство должно в равной мере расширять свое производство и свое население; оно должно увеличивать массы сырья и жизненных продуктов в той же мере, в какой возрастает потребность в них со стороны промышленности; и оно в равной мере должно потреблять все больше индустриальных продуктов, посредством которых покупаются продукты сельского хозяйства. Как это возможно, если накопление капитала в промышленности идет гораздо быстрее, нежели в сельском хозяйстве?

То, что Мальтус считал естественным законом народонаселения... оказывается экономическим законом капиталистического накопления, не менее, однако, мучительным, чем мальтусовский. Закон этот гласит, что промышленное население данного района растет в отношении 1, 2, 4, 8, 16, в то время как его сельско-хозяйственное население остается неизменным или уменьшается. И одновременно товарная масса на одного рабочего растет в промышленности быстрее, чем в сельском хозяйстве. Действительно, накопление капитала оказалось бы, если и не невозможным, то все же весьма затрудненным и замкнутым в узкие границы, если бы капиталистическая промышленность какого-либо города, промышленного района или государства ограничивалась той сельской областью (в качестве поставщика и покупателя), которая была к услугам этой промышленности при ее возникновении. Капиталистическое накопление в промышленности только в том случае может беспрепятственно итти вперед и свободно развиваться, если постоянно будет расширяться сельскохозяйственная территория, служащая ей в качестве поставщика и покупателя» («N. Z.» 32—2, стр. 916).

Весьма поучителен способ доказательства этого нового варианта старой теории.

1) Прежде всего приводится ряд известных положений об отставании сельского хозяйства от промышленности. При этом (характерно!) на первое место выдвигаются естественно-технические причины—органический характер сельскохозяйственного производства [1]) и ограниченность земли, вследствие которой расширение одного хозяйства должно-де означать одновременное и соответственной величины сужение другого хозяйства, так что сельскохозяйственных рабочих не может увеличиться [2]). Лишь в «Размножении и развитии и т. д.», написанном в 1910 г., имеется марксистский анализ отставания сельского хозяйства при капитализме (частная собственность на землю, рента, наемный труд).

[1]) В 1910 г.—ст. о Гильфердинге; в 1914 г.—ст. об империализме.

[2]) В 1914 г.—ст. об империализме.

В статье же об империализме (1914) неожиданно выставляется и тут же приобретает значение одного из решающих факторов соображение, что сельскохозяйственная продукция значительно менее разнообразна промышленной и не подвержена моде» (стр. 915).

2) Но последствия отставания с. х. оказываются особенно тяжелыми потому, что «при высвобождении промышленности от сельского хозяйства последнее остается основой всего хозяйственного процесса. Без постоянного притока новых сельскохозяйственных продуктов нельзя прожить ни одного мгновения. Напротив того, в нужде мы могли бы довольно длительное время выдержать отсутствие целого ряда промышленных продуктов» (стр. 914—915).

3) И вот «в капиталистической промышленности со всей силой действует такой фактор, который в сельском хозяйстве и при капиталистическом производстве сохраняет лишь небольшое значение: конкуренция, борьба различных предприятий за сбыт. Промышленник должен гораздо упорнее бороться за сбыт своих изделий, чем сельский хозяин. Поскольку последний встречается с затруднениями в сбыте, они касаются больше торгового посредника, чем других сельских хозяев. И положение при этом все больше ухудшается для промышленности, поскольку ее капитал накопляется все быстрее, а сельское хозяйство все больше отстает, поскольку возрастает промышленное население, требующее все больше средств питания и сырья, поскольку, напротив того, сельское население, а в связи с этим и его совокупный спрос на индустриальные товары все уменьшается» (стр. 915).

Вывод: «Интенсивность промышленной конкуренции представляет следствие того, что стремление к накоплению капитала и к расширению производства, а также возможности для этого значительно больше в промышленности, чем в сельском хозяйстве; из следствия эта движущая сила становится в свою очередь одной из могущественнейших причин, увеличивающих различие между индустрией и сельским хозяйством».

Вот все. Так доказывается и отсюда выводится теория аграрных придатков самим автором.

* * *

Между тем ближайшее рассмотрение аргументации Каутского (а мы ее привели всю целиком и притом словами автора) показывает, что она своего назначения не выполнила. В самом деле, чтобы доказать необходимость для капитализма аграрных придатков, необходимо (и достаточно) доказать следующие два положения:

Первое.—Что сельское хозяйство при капитализме неизбежно отстает от промышленности.

Второе.—Что в природе капиталистического воспроизводственного процесса заложена такого рода устойчивая пропорция между промышленностью и сельским хозяйством, которая нарушается этим отставанием. Это положение в свою очередь распадается на две самостоятельные проблемы: во-первых, следует доказать наличие такой пропорции, и, во-вторых, если это доказано, остается еще доказать, что капиталистический способ производства не обладает никакими средствами эту жизненно необходимую ему пропорцию воссоздавать.

Можно, конечно, многое возразить против тех доводов, коими Каутский обосновывает первое из этих двух положений. Так, в статье, посвященной Гильфердингу, безнадежно спутаны две различные вещи—отставание сельского хозяйства в ходе промышленного цикла и отставание сельского хозяйства на протяжении истории капиталистического способа производства. Затем, стопроцентной пошлостью приходится считать тезис о том, что «сельское хозяйство остается основой всего хозяйственного процесса». Далее, чего стоит эта аргументация от моды, выписанная из ходкого буржуазного учебника по «экономике промышленности, торговли и сельского хозяйства». А эта «марксистская» концепция о капиталистическом сельском хозяине, не ведающем конкуренции, и о греховной конкурентной интенсивности промышленников, как следствии райской невинности сельских хозяев. И т. д.

Но не это горе-теоретизирование нас здесь интересует. Отставание сельского хозяйства—непреложный закон капиталистического способа производства. Больше того: капиталистическая промышленность развивается не только быстрее сельского хозяйства, но в значительной мере за счет недоразвития сельского хозяйства. Доразвиться сельское хозяйство может только в переходную от капитализма к социализму эпоху; правильное экономное направление этого длительного процесса составляет одну из сложнейших исторических задач диктатуры пролетариата. Пока же существует капитализм, всякое движение вперед означает ухудшение положения сельского хозяйства, а не его улучшение, как то полагает «марксист» и «теоретик» Каутский, в 1914 г. забывший свои 90-е годы («Аграрный вопрос»). Создает ли это отставание сельского хозяйства затруднений для капиталистического развития? Конечно, создает. Во-первых, специфические условия воспроизводства органических веществ служат одним из факторов кризиса. Во-вторых, присущая капиталистическому способу производства недоразвитость сельского хозяйства представляет внушительное ограничение возможных сфер приложения капитала. Но оба эти затруднения еще не означают, «что капиталистическое накопление в промышленности только в том случае может беспрепятственно итти вперед, если она постоянно будет расширять сельскохозяйственную территорию, служащую ей в качестве поставщика и покупателя». Чтобы доказать теорию аграрных придатков, требуется доказать еще второе из указанных выше положений. Т.-е. требуется доказать наличие имманентных капиталистическому способу производства устойчивых пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, нарушаемых отставанием сельского хозяйства, и неисправимость таких нарушений. Каутский, конечно, видит, что недостаточно поговорить об отставании сел. хозяйства, чтобы доказать необходимость аграрных придатков. И вот, он не задумывается заявить: «Для об'яснения того, каким образом при капиталистическом способе производства возможно восстановление равновесия между производством и потреблением, мы должны произвести дальнейшее разделение производимых продуктов по их материальным особенностям. К разделению средств производства и средств потребления (из II тома «Капитала». *Э. Л.*)

мы должны еще прибавить различие между продуктами промышленности и продуктами сельского хозяйства» (ст. о Гильфердинге, «Основные проблемы и т. д.», 2 изд., стр. 448—449).

Сказано, конечно, важно. Не менее важно, чем говорили (и говорят) ревизионисты, приступая к «дополнению» Маркса. Но, боже правый, какое убожество за этой важностью! Ведь стоит только серьезно подумать, чтобы понять, что тот способ деления общественного производства, который Маркс избрал во II томе «Капитала», представляет метод синтезирования вещественных и ценностных элементов капиталистического производственного (и воспроизводственного) процесса, взятого в общественном масштабе. Разве не ясно, что отрасли I и II представляют, с одной стороны, основные категории процесса производства, как такового, и, с другой стороны, основные же категории ценностно образующего процесса в капиталистическом обществе? Как же можно рядом с этими в полном смысле функциональными категориями капиталистического производственного процесса поставить деление на промышленность [1]) и сельское хозяйство, т.-е. деление, не имеющее абсолютно никакого отношения к специфичности капиталистического производства, ни в материальном его содержании, ни в его ценностной форме?

Свое «дополнение» к марксову анализу Каутский берется обосновать. В приведенных выше обильных выписках из его статьи 1914 г. заключено все, что он имеет сказать. Даже беглое рассмотрение этого доказательства необходимости аграрных придатков вскрывает три единственных приема автора. Уделим им некоторое внимание.

Первый прием.—«Экономическим законом капиталистического накопления» об'является закон народонаселения, состоящий в том, что «промышленное население данного района растет в отношении 1, 2, 4, 8, 16, в то время как его сельскохозяйственное население остается неизменным или уменьшается». Поистине невежественное извращение марксизма! Известное привлечение роста населения к об'яснению капиталистического накопления, произведенное Отто Бауэром в полемике против Р. Люксембург, должно быть квалифицировано как глубокое понимание марксизма рядом с этим мальтузианством патентованного знатока Маркса. Но каким же путем этот закон народонаселения становится экономическим законом капиталистического накопления? А таким, что ценностная масса товарных потоков между промышленностью и сельским хозяйством рассматривается, как функция сельского населения (но не хозяйства) [2]). Выше

[1]) У Каутского даже одна обрабатывающая промышленность!

[2]) Напомним два места из уже приведенных цитат. «Чтобы промышленность могла расти, сельское хозяйство должно в равной мере расширять свое производство и свое население; оно должно увеличивать массы сырья и жизненных продуктов (читай: увеличивать свое производство. *Э. Л.*) в той же мере, в какой возрастает потребность в них со стороны промышленности; и оно в равной мере должно потреблять все больше индустриальных продуктов (читай: увеличивать число покупателей. *Э. Л.*), посредством которых покупаются продукты сельского хозяйства». Еще ярче эта же мысль, что потребителем городских товаров в деревне является население, но не хозяйство, выражена страницей раньше: «уменьшается сельское население, а в связи с этим и его совокупный спрос на индустриальные товары». Каутский даже не видит, что, несмотря на уменьшение сельского населения, может возрастать товарная масса с.-х. продукции.

мы видели, как на базе этой теории народонаселения и в неразрывной с нею связи проповедуется мысль о том, что при капитализме «сельское хозяйство остается основой всего хозяйства». Невероятно, но факт: по Каутскому русское крестьянство является куда лучшим рынком городской промышленности, чем менее многочисленное крестьянство Соединенных Штатов.

Второй прием. Исключается добывающая промышленность. «Чтобы упростить рассмотрение, мы в дальнейшем отвлекаемся от добывающей промышленности—горного дела, которое занимает среднее положение между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью». На основе этого отвлечения строится следующее рассуждение. Обилие капиталов, технические условия и условия конкуренции гонят вперед промышленность. Но в своем безудержном стремлении она наталкивается на малоподвижную границу в виде отстающего производства сельскохозяйственного сырья. И вот мы у желанной цели—необходимость аграрных придатков победно выступает даже перед слепым. Но... победа эта куплена дорогою ценою троекратного греха. Во-первых, невозможно найти какой-либо смысл (теоретический, да и просто здравый) во всех возможных смыслах этого «среднего положения» горного дела [1]).

Во-вторых. Допустим, что имеется экономический смысл в выделении горного дела, как некоей средней отрасли производства. Но можно ли эту среднюю отрасль выкидывать за борт при анализе условий общественного воспроизводственного процесса? Нельзя же, в самом деле, абстрагировать от одного из трех слагаемых, когда исследуются закономерности их суммы. Это уже не научная абстракция, а похоже на сознательное извращение, на подтасовку.

И в-третьих. Самое существенное во всей этой истории, однако, то, что исключительно благодаря своему отвлечению от горного дела Каутский мог так невозмутимо вывести теорию аграрных придатков. Между тем, как раз в наше время, экономику которого эта теория призвана об'яснять, наблюдается исключительно интенсивный рост удельного веса горного сырья в сравнении с сельскохозяйственным. Это явление находится в тесной связи с усиленным в наше время ростом органического состава общественного капитала, и в особенности—основной части постоянного капитала. Но и в области оборотной части последнего современная химическая промышленность,—взять одну лишь обработку каменного угля (краски, масла, медикаменты)!—и метал-

[1]) Значит ли это, что сельско-хозяйственный продукт, прежде чем попасть на фабрику, проходит через промежуточное горнило горного дела? Или: что «население» горного дела (горнорабочие) растет быстрее сельского, но медленнее городского? Или: что горное дело в процессе общественного воспроизводства не имеет самостоятельной функции, а выполняет отчасти роль обрабатывающей промышленности, отчасти же функцию сельского хозяйства?

Если же подойти со стороны организации производственного процесса и сочетания элементов производственного аппарата, то с этой точки зрения еще Маркс противопоставлял горное дело обрабатывающей промышленности и современному земледелию, которые он, таким образом, ставил на одну доску. В I томе «Капитала» читаем: «За исключением добывающей промышленности, которая, как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку оно возделывает в первую очередь девственную почву), находит свой предмет труда в природе, все отрасли промышленности имеют дело с такими предметами, которые представляют сырой материал, т.-е. предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, которые сами уже являются продуктами труда. Так, например, семена в земледелии» (М. 1923, Гиз, стр. 152).

лургия легких металлов (алюминий), открывающая широкие перспективы для замены дерева и т. д., представляют новейшие этапы процесса «освобождения человека из-под власти органического мира». Зомбарт, которому принадлежит последнее выражение, и который прекрасно изучил фактическую сторону дела, с полным правом утверждает: «Неорганическое вещество является знамением нашего времени» [1]). А Каутский позволяет себе теоретизировать насчет сырьевой проблемы современности, выбросив предварительно из поля зрения горное дело! И плоды этого «теоретизирования» выдаются за марксизм! Поразительно, как легко люди научаются прикрывать невинностью свою недобросовестность. Мы, видите ли, хотим упростить рассмотрение и потому не станем утруждать вас, любезный читатель, привлечением таких чисто-промежуточных отраслей, как горное дело...

Таковы три особенности второго приема, помощью которого Каутский пытается обосновать теорию аграрных придатков.

Третий прием. Вспомним следующую фразу, дважды нами цитированную: сельское хозяйство «должно увеличивать массы сырья и жизненных продуктов в той же мере, в какой возрастает потребность в них со стороны промышленности; и оно в равной мере должно потреблять все больше индустриальных продуктов, посредством которых покупаются продукты сельского хозяйства». В подчеркнутых нами словах и состоит третий прием Каутского. Каутский здесь устанавливает, что должно существовать равенство (в ценностном выражении) того, что сельское хозяйство отдает промышленности, и того, что оно получает от промышленности. Этот довод выгодно отличается от двух первых своей несомненной бесспорностью. В самом деле, едва ли кому придет в голову что-нибудь возражать против той «мысли», что для того, чтобы сохранилось в неизменности равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, не должна нарушаться ценностная эквивалентность перемещающихся между ними товарных масс. И это, конечно, относится не только к сельскому хозяйству и промышленности. В равной мере эта истина остается справедливой при любом другом делении общественного хозяйства, скажем, при отнесении в одну группу только машиностроительной промышленности, а в другую всех остальных отраслей хозяйства. К сожалению, эта идея столь же бесплодна, сколь и бесспорна. Ее недостаток ничтожен: она просто проходит, не задевая, мимо того, о чем идет дело. Говоря о необходимости равновесия товарных потоков между промышленностью и сел. хозяйством, она замалчивает вопрос о закономерностях, которым подвержены изменения величины потоков и, таким образом, отказывается понять закон развития этого равновесия.

Но именно по линии последнего вопроса должен был бы итти анализ Каутского, если бы он имел серьезное намерение продумать и обосновать теорию аграрных придатков. Ибо наличие в природе капиталистического способа производства устойчивых пропорций между промышленностью и сельским хозяйством, без которых не может происходить капиталистическое накопление, не доказывается же, в самом деле, трюизмом об эквивалентности обмена. Но, не доказав существования этих устойчивых пропорций, нельзя доказать необходимости для капитализма аграрных придатков. Трагикомедия каутскианской теории состоит в том, что исходный тезис, без которого ее нельзя построить, недоказуем по той простой причине, что он неверен. Каутский вопрошает тут же после вышеприведенной фразы: «Как это (т.-е. пресловутое равенство продаж и покупок. *Э. Л.*) возможно, если накопление капитала в промышленности идет гораздо быстрее, чем в сельском хозяйстве?» А очень даже просто. Бедный (хитрый) Каутский не замечает (не хочет замечать) пустячка,—что параллельно более интенсивному накоплению в промышленности все больше возрастает товарное обращение внутри самой промышленности,—все большая, следовательно, доля промышленных товаров покупается и реализуется, минуя сельское хозяйство...

Мы рассмотрели, достаточно полно теоретическое содержание каутскианской идеи аграрных придатков. В ряде существенных положений теория эта в своем новом издании представляет полный отход от марксизма—по методу, по выводам, даже по словоупотреблению. В других своих частях она пытается нарочитой важностью изложения и самоуверенностью выводов перекричать простейшие законы формальной логики. Еще в других частях она надеется ловким маневром снять решающий, но для нее неразрешимый вопрос. В общем же новое издание старой теории не идет глубже старого издания. Но если ошибки последнего отчасти искупаются новизной (для того времени) изучаемых явлений, широким, суммарным охватом и революционной свежестью научного подхода, в котором звучат традиции марксизма, то нелепости издания 1910—1914 г.г. порождаются и усугубляются старческой забывчивостью, профессорским педантизмом, циничной самоуверенностью «непогрешимого авторитета», мелкой нечестностью официозного теоретика и природным для ревизионизма эклектизмом, который Каутский удивительно успешно впитывает в себя как раз в рассматриваемое время. Но надо всем этим царит тот особый род лицемерия, который в тиши кабинета перерабатывает «реальную политику» оппортунизма в надуманные конструкции, и прячет их за напыщенной почти-революционной декламацией, и который—по существу—сам себя обманывает и так жалко-бессилен перед лицом живой жизни. Последнюю он охотно заменяет системой абстрактных категорий, так как они гораздо легче, чем сложная реальность, переносят всевозможные сочетания, которым их подвергает теоретик, обосновывая оппортунистическую практику. Этот вид лицемерия составляет научный характер теоретиков социал-демократического центризма [1]).

[1]) Политич. эконом. промышл., изд. «Просвещение», стр. 19.

[1]) Он недурно сказался и в следующем зигзаге каутскианской идеи аграрных придатков, который довольно стильно довершает картину. «Действительно, накопление капитала – пишет Каутский в цит. ст. 1914 г.—оказалось бы если и не невозможным, то все же весьма затрудненным и замкнутым в узкие границы, если бы капиталистическая промышленность какого-либо города, промышленного района или государства ограничивалась той сельской областью, которая была к услугам этой промышленности при ее возникновении». Читатель в недоумении. Как, в самом деле, понять это неожиданное «если и не невозможно, то все же весьма затруднено», после того как вся теоретическая работа направлена на то, чтобы доказать именно невозможность капиталистического развития без аграрных областей? Между тем нет ничего необыкновенного в этом ходе Каутского: центрист готовит себе тыловые по-

III.

Мы выяснили несостоятельность попытки Каутского привести теоретико-экономическое доказательство в защиту идеи аграрных придатков. Чтобы состряпать для нее эклектическое «обоснование», ему потребовалось неслыханно надругаться над фактами и предпринять форменное извращение основных положений марксистской политической экономии. Удивительно ли, что получившаяся в результате таких упражнений теория находится в противоречии с теми явлениями, которые она призвана об'яснить. С полным правом Ленин говорит: «Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты на счет Бельгии, французские—на счет Логарингии)», Каутский «произвольно и неверно выдвигает аннексии аграрных областей» (Империализм как нов. эт. капитализма).

Но—и это следует всегда помнить—основная задача официозного теоретика II Интернационала: доказать, что империализм—это не больше, чем одна из возможных политик капитализма, предпочитаемая некоторыми группами капиталистов, но противоречащая жизненным интересам всей капиталистической системы в целом [1]). Экономическую теорию аграрных придатков он строит как научное обоснование для этой своей политической задачи. Для Каутского вопрос стоит таким образом:

«Составляет ли империализм последнюю возможную форму проявления капиталистической мировой политики или же возможна еще другая форма? Другими словами: предлагает ли империализм единственно возможную еще форму, в которой может происходить в рамках капитализма взаимное обращение между промышленностью и сельским хозяйством?» («N. Z.», 33—2, стр. 919—920, курсив наш).

А несколькими страницами раньше прямо говорится: «Постоянное стремление капиталистических индустриальных наций к расширению сельскохозяйственной области, состоящей с ними в отношениях обмена, может, однако, принимать самые различные формы. Доказать, что это стремление составляет жизненное условие капитализма, еще далеко не значит доказать, что какая-либо из этих форм может означать неизбежную необходимость

зиции, чтобы отступить со своей теорией, ежели к этому вынудит напор действительной жизни. Мы увидим, что запасными позициями Каутскому не довелось, однако, воспользоваться: напор жизни оказался сильнее даже, чем могли выдержать резиновые формулировки центристской теории.

[1]) Было бы, конечно, с полбеды, если бы имелось в виду доказать, что есть некоторые слои капиталистов, которых в империалистической политике не заинтересованы, которых она даже разоряет, но что стержневые, решающие капиталистические группы, воплощающие и, так сказать, вобравшие в себя основной «интерес» современной капиталистической системы, нуждаются в империалистической политике, которую они проповедуют и которую они проводят в жизнь. Такого рода теоретическое построение следовало бы ругать за недостаточное углубление в экономическую природу современного капитализма, за немарксистское выпячивание политики, когда дело идет о совершенно новой и своеобразной экономической системе. Авторам такого рода построений следовало бы указывать на опасную прореху, которая в их построениях имеется и в которую при злой воле можно протащить противопоставление империалистической политики новейшей экономике. Но официозный теоретик II Интернационала не относится к числу таких авторов.

(unerlässliche Notwendigkeit) для капиталистического способа производства. Особой формой рассматриваемого стремления является империализм. Ему предшествовала другая форма, свобода торговли. Полстолетия тому назад последняя, подобно тому, как ныне империализм, рассматривалась как последнее слово капитализма» (там же, стр. 917).

Ниже мы скажем несколько слов о невероятной путанице представлений, сконденсированной в этих немногих строках. А сейчас закончим ход мыслей Каутского. В сущности, он совсем прост. Раз империализм есть не больше, чем одна из различных форм стремления капитализма в аграрные страны, раз «империализм есть стремление каждого крупного государства к расширению собственной колониальной империи в противовес другим подобным же империям, и представляет только одно из различных средств способствовать расширению поля капитализма», раз империалистические конфликты являются, таким образом, столкновением крупных капиталистических держав только на почве их отношения к третьим, к внешним для капитализма странам, то—разве так уже немыслимо соглашение крупных держав и их совместные действия против этой внешней, но одинаково враждебной, одинаково преграждающей им путь, силе? С вдохновением начинает здесь работать мысль мещанина. Во-первых, «империалистическая форма» самая невыгодная с коммерческой стороны. Чего стоят одни вооружения вперегонку, а затем войны! [1]). Во-вторых, это самая опасная для капитализма форма. Взять хотя бы рост недовольства в более развитых аграрных странах, который направляется не против той или другой империалистической державы, а против всех их вместе взятых. А растущее сопротивление рабочих промышленных стран против новых налогов? И т. д... Мещанин убежден, что от здравого смысла капиталистов зависит их политика. Он им поможет уяснить себе их «подлинный» интерес, который так удачно совпадает и с его, мещанина, интересом: поменьше налогов, поменьше вооружений, мир—и мирное (т.-е. без столкновений с «культурным» соседом) подчинение колоний. Мещанин верит, что здравый смысл восторжествует, ибо «с чисто-экономической точки зрения не исключено, что капитализм доживет еще до одной новой фазы, перенесения картельной политики и на внешнюю политику, до фазы ультра-империализма».

«Чисто-экономическая точка зрения»—это товарный обмен промышленности капиталистических стран с сельским хозяйством отсталых стран. Она честно выполнила свое назначение. Она обосновала возможность ультра-империализма! Но здесь мы должны обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство.

Попросим читателя еще раз просмотреть вышеприведенную тираду Каутского о возможности различных форм хозяйственного общения между индустриальными и аграрными странами. Говоря о невероятной путанице (заметании следов?), царящей в этих фразах Каутского, мы имели в виду следующее:

[1]) «Еще со времени балканской войны соперничество в вооружении, как и колониальная экспансия, достигло такой высоты, которая угрожала быстрому росту накопления, а след. вывоза капиталов, т.-е. экономической основе империализма» («N. Z.» 33—2, стр. 920).

Допустим, что теория аграрных придатков верна. Допустим, поэтому, что внешняя политика капитализма на всех этапах его развития определяется отношением промышленной страны к аграрной [1]). Для марксиста в таком случае было бы бесспорно, что существуют различные формы капиталистической политики, соответствующие различным стадиям капиталистического развития. Критерий необходимости той или иной формы капиталистической внешней политики марксист брал бы из предварительного изучения производственных особенностей соответственной стадии капиталистического развития. Без такого изучения невозможно было бы понять смену различных типов отношений промышленной и аграрной страны, т.-е. (допуская идею Каутского) смену форм внешней политики капитализма. Каутский же извращает эту само собой разумеющуюся для марксиста постановку. С пафосом обрушивается он на того, кто полагает возможным доказать, что «какая-либо из этих форм может означать неизбежную необходимость для капиталистического способа производства». Деланный пафос, ибо кто же утверждал такую чепуху, будто империалистическая политика сопутствует капиталистическому способу производства на протяжении всей его истории? [2]).

Каутскому понадобилось подменить марксистскую постановку проблемы, ибо она не дает обосновать ультра-империализм даже посредством теории аграрных придатков. Обосновать возможность ультра-империализма можно было бы только обосновав возможность новой хозяйственной формы капитализма, которой будет соответствовать и новая, мирная, форма эксплоатации колоний, т.-е. форма, не сопровождающаяся борьбой эксплоататорских держав друг с другом. А это значит, что сама по себе теория аграрных придатков, будь она даже святой истиной, еще недостаточна для обоснования возможности ультра-империалистической фазы капитализма. Но Каутский находит выход! Он производит совсем «пустяковую», почти незаметную, перетасовку. Вопрос о различных стадиях капиталистической системы (и экономических, и политических) он подменяет вопросом о различных формах политики капитализма. «Мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса «экономических факторов». «Стремления капитала к расширению» «лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией». Оторвав, таким образом, политику от экономики, превратив свою теорию аграрных придатков в «чисто-экономическую», по его терминологии, теорию, Каутский с торжеством заявляет, что ультра-империализм возможен, потому что с «чисто-экономической точки зрения» он не невозможен!

Мы у конца последнего теоретико-экономического рейса идеолога II Интернационала. Его результаты унизительно плачевны. Понадобилось сколотить нелепейшую и извращеннейшую из всех, какие знает история марксизма, теоретическую схему о жизненной необходимости для капитализма аграрных придатков. А когда схема была построена, оказалось необходимым изгнать из нее и те жалкие намеки на реальные отношения, которые она в себе еще могла скрывать. Она была об'явлена «чисто-экономической теорией», т.-е. чистой абстракцией [1]). После этого она уже не оказывала никакого сопротивления тем упражнениям, на которые ее предназначил теоретик ультра-империализма. Но, и превращенная в безжизненную абстракцию, она жестоко отомстила за себя—она оказалась пригодной для обоснования лишь возможности ультра-империализма, и даже Каутскому не удалось подвергнуть ее такому добавочному превращению, при котором она бы давала право говорить о неизбежности ультра-империализма.

Мог ли Каутский удовлетвориться этими горькими плодами своего теоретического похода? Разумеется, нет. Вскоре мысль мещанина снова заработала, на этот раз, правда, совершенно в ином направлении. Однако, прежде чем заняться этим новым теоретическим маршрутом, следует отметить еще одну сторону экономических взглядов Каутского.

* * *

Достойно внимания, что работа Гильфердинга осталась без влияния на основные взгляды Каутского. Это особенно замечательно потому, что в ней заключались богатые источники для построения теории ультра-империализма. Известно, как умело использовал их сам Гильфердинг после империалистической войны. Но строгость теоретической мысли никогда не принадлежала к сильным сторонам Каутского,—между тем именно такая логическая строгость в развертывании теоретической схемы проходит по всей книге Гильфердинга. Впрочем, положения «Финансового капитала», вообще, не привились в социал-демократических рядах, и общепризнанной, так сказать, партийной теорией современного капитализма, как до книги Гильфердинга, так и после нее, оставалась каутскианская теория, которая, как мы могли видеть, обладала незаменимым свойством,—перестраиваться и менять свое обличие в соответствии с господствовавшим партийным «духом». Насколько книга Гильфердинга осталась чуждой социал-демократии, может свидетельствовать, например, тот факт, что в 1915 г. не какой-нибудь рядовой член партии, а Кунов (в полемике с Каутским) мог забыть (или сделать вид, что забыл) о ее существовании, и заявлять, что он не знает ни одной социал-демократической попытки разобраться в современных банках!

Надо ли говорить, что Каутский возносил работу Гильфердинга до небес? Но как далеко осталась она от его понимания, показывает уже одно то, что свою теорию аграрных придатков он считал, «быть может, во многом дополнением хода мыслей Гильфердинга» (Основные проблемы политич. экон., 2 изд., стр.

---

[1]) Что именно так представляет себе дело Каутский, очень хорошо видно, например, из его об'яснения возникновения империализма все в той же статье 1914 г.

[2]) Этим занимались, как известно, только те буржуазные ученые, которые относят империализм за счет природы человека, но ведь они, таким образом, приравнивают капитализм всем предшествовавшим и будущим общественным формациям. Не против них же направлен огонь Каутского.

[1]) «Если понимать под чисто-экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это совершенно бессодержательно» (Ленин, Империализм).

438) [1]). Следует, однако, поближе познакомиться с этой стороной эволюции Каутского, остановившись хотя бы на основных вопросах книги Гильфердинга.

Первое.—Стержнем книги Гильфердинга является идея организационного развития и совершенствования капиталистического способа производства, находящего в форме финансового капитала свою высшую ступень. Между тем, Каутский в 1918 г. (Bemerkungen zur Übergangswirtschaft, 163) считает: «Высота капиталистической организации неравнозначна с высотой капиталистического способа производства. Последний достиг своей высшей точки в Англии. Напротив, господство картелей и банков значительно сильнее развилось в других странах».

Второе.—О финансовом капитале Каутскому пришлось больше всего говорить в «Национ. гос. и т. д.», в 1915 г. Вот что мы читаем там: «Кто желает выяснить себе исторические действия капитала, должен ясно различать отдельные виды его». «Промышленный капитал, класс индустриальных предпринимателей, первоначально обнаруживал иные тенденции, чем торговый и финансовый капитал». «Финансовый же капитал, класс крупных заимодавцев и банкиров, стоит за увеличение абсолютной государственной власти, за насильственное [2]) проведение его требований, касающихся внутренней и внешней политики» (стр. 25—26). Своей цели купец «легче всего достигает путем об'единения с финансовым капиталом—союз значительно более старый, чем союз между промышленным и финансовым капиталом» (стр. 33). Итак, для Каутского финансовый капитал не всеобщая форма капитала в определенную историческую эпоху, а один их трех видов [3]) капитала (т.-е. попросту капитал банков), который в наше время приобрел особенно большое значение.

Третье.—В том же 1915 г. Каутский несколько раз возвращается к вопросу о монополиях. Он стремится доказать, во-первых, что монополии не необходимы, и, во-вторых, что, во всяком случае, они вовсе не должны приводить к войнам. Его метод: противопоставление нашего времени эпохе первоначального накопления! Возмущенно восклицает он: «Взгляды, которые мы себе выработали до войны на основе фактов последних десятилетий, собираются, в качестве «устарелых», опровергнуть взглядами, подходящими к XVII или к XVIII векам» («Neue Zeit», 34—1, стр. 23; «Äüssere u. innere Politik»). Его мысль

[1]) А в какой мере Каутский был подготовлен к пониманию «Финанс. кап.», может показать защита, которую Каутский выдвинул против обвинения Гильфердинга в недооценке основных производственных процессов. Защита эта—буквально, шедевр. Она сжато сформулирована автором в следующих словах: «Формы капитала изменяются под воздействием процесса обращения гораздо быстрее, чем под воздействием процесса производства» (стр. 430). Иллюстрация этого «тезиса», служащая одновременно и единственным доказательством, такова: «Процесс производства на фабрике может остаться без перемен, в то время как она переходит из собственности отдельного капиталиста к акционерному обществу или из самостоятельного единичного предприятия становится членом картеля, предприятием треста или же переходит во владение банка» (Там же, стр. 431). Не угодно ли считать марксистом человека, который, изучая роль производственного процесса в смене исторических форм капитала, берет его исключительно как производственно-технический процесс на отдельном предприятии.

[2]) В русском издании 1917 г., по которому мы цитируем, неправильно переведено—«посильное». В оригинале—«gewalttätig» (Nürnberg 1915, стр. 22—23).

[3]) В оригинале так и сказано—«Gattungen», стр. 22—23.

такова: если ранний капитализм жил за счет грабежа деревни и т. д. и применял для этого монополии и войны, то «ныне доходы капитала текут из труда наемных рабочих. Они ныне возможны без нарушения закона ценности. Тут международная торговля не нуждается в монополиях и в войне для своего расширения и защиты. Они могут лишь задерживать ее и препятствовать ей в виду тех гигантских размеров и того стремительного темпа, которые приняло современное мировое обращение. В прежние же времена международная торговля нуждалась в монополии и войне» (там же). Эта же мысль развивается в «Национ. гос. и т. д.» [1]). А в одной из статей против Кунова («Zwei Schriften zum Umlernen», «N. Z.», 33—2, стр. 40) та же мысль разбирается на примере Англии. «Нет ничего ошибочнее,—пишет Каутский,—чем думать, что в теперешней войне дело идет о сохранении английской индустриальной монополии. Теперешняя война, поскольку речь идет об Англии, вертится вокруг соперничества в вооружении, вокруг преобладания английского флота».

Четвертое.—Известно, что в книге Гильфердинга одно из важнейших мест занимает теория современного протекционизма. Последний представляется Гильфердингу проблемой хозяйственной территории современного капитализма, методом ограждения национального хозяйства, который капитализм принужден применять в процессе организации мирового хозяйства. Для Каутского же весь вопрос исчерпывается его социальной формулировкой. Он пишет в конце 1911 г. («N. Z.», 30—1, стр. 464—«Konsumenten u. Produzenten»): «Охранительная система на первой своей стадии индустриально-воспитательной пошлины представляет средство классовой борьбы прибыли против земельной ренты. Ныне, в качестве всеобщей аграрной и промышленной пошлины, она есть орудие классовой борьбы прибыли и земельной ренты против заработной платы». Ясно, что с гильфердинговской постановкой у Каутского мало общего. Но это дает ему возможность призывать к уничтожению протекционизма в рамках современного капитализма.

Пятое.—Что касается банков, то может показаться, что, по крайней мере, к 1918 году Каутский усвоил взгляды Гильфердинга в этом вопросе. Во всяком случае, в «Soz.-dem. Bemerkungen etc.» Каутский не раз говорит о «банкократии» (особенно стр. 160), о всемогуществе современных берлинских банков [2]), о преобладающем значении банков (по сравнению с картелями) в борьбе против анархии производства (стр. 138) и т. д. Однако

[1]) «Правда, последние десятилетия породили, благодаря все растущему об'единению финансового капитала с промышленным, новые монопольные стремления. Но они не сводятся больше к национальным торговым монополиям или к необходимости войн в защиту этих монополий и для уничтожения чужой торговли. Новые монопольные стремления имеют целью (здесь в оригинале стоит выпущенное переводчиком слово—vor Allem) экономическое господство над наиболее крупными путями сообщения и источниками средств производства. Поскольку эти стремления охватывают также морскую торговлю, они должны быть в силу ее размеров и ее природы интернациональны. В образовавшихся пароходных трестах и линиях английские и немецкие пароходовладельцы дружно работают вместе над поднятием фрахта. Торговля же. сама по себе, вне зависимости от пароходных обществ, ни в малейшей степени не заинтересована в успехе монополистических стремлений, суживающих ее так же, как и промышленность» (Нац. гос., Москва 1917, стр. 37).

[2]) «Девять берлинских крупных банков определяют для всей Германии пути, по которым идет промышленность» (стр. 27).

до Гильфердинга здесь очень и очень далеко. Каутский, в противоположность Гильфердингу, не приходит к этой теории современных банков на основе экономического анализа нынешней стадии капитализма, она у него не увязана с формирующими элементами именно этой стадии—у него это даже не теория банков, это просто литературная передача того, что «знает» и о чем говорит в наше время каждый обыватель. Стоит перелистать соответствующие места из указываемой работы Каутского (1918 г.), чтобы увидеть это воочию.

Таким образом, плоды теоретической работы Гильфердинга не были Каутским усвоены даже в малейшей мере. Но это обстоятельство лишило его также «ценного» теоретико-экономического материала для обоснования теории ультра-империализма. Тот путь, который привел Гильфердинга в послевоенные годы к идее «организованного капитализма», был для Каутского закрыт. С другой стороны, свои упражнения с аграрными придатками он вынужден был оставить после 1914 г.—так они были (помимо всего прочего) громоздки и малорентабельны. В «Национальн. гос. и т. д.» (1915) мы встречаем последние, достаточно глухие отзвуки злосчастной теории. И Каутский все меньше заговаривает об экономических факторах ультра-империализма и все чаще останавливается и все дольше задерживается на факторе совершенно иного порядка—на растущей мощи демократии. Если и выдвигаются время от времени аргументы от экономики, то это неожиданно пришедшие на ум мысли, разрозненные, не претендующие на значение законченной теории, обычно вычитанные в текущей буржуазной литературе и—ошибочные [1]): Это Каутский, прежде чем поставить крест над экономическим обоснованием сверх-империализма и признать, таким образом, свое бессилие дать таковое, делает отчаянные попытки хоть что-нибудь придумать, что могло бы сойти за аргументацию от экономики.

IV. В тихой пристани (1915—1918).

«Ему остается только жестокое удовольствие созерцать свое умирание».
(Франс, «Таис»).

I.

Выше указано, что по мере того, как обнаруживается невозможность дать теоретико-экономическое обоснование ультра-империализма, Каутский все больше обращается к теории общего (если можно так выразиться) развития капитализма, т.-е. не к специально-экономической теории, а к теории, долженствующей охватить экономику плюс социальные отношения—плюс политику. Этот поворот проделывается тем легче и тем незаметнее, что и теоретико-экономическое доказательство Каутского по существу, как мы видели, должно было свестись к аргументации голой абстракцией, т.-е. попросту к устранению всякого действительно-экономического доказательства и к необходимости передвижки вопроса в плоскость политики. Итак, начиная с 1914 г., в различной связи, по самым разнообразным поводам, обрабатывается Каутским по кусочкам, с изрядным количеством противоречий и мещанского «здравого смысла», та теория, которой суждено стать основной мудростью II Интернационала в эпоху рождения социализма. Это—теория растущей мощи демократии. Ей, представляющей ultra ratio оппортунизма, выпала «блестящая» честь—послужить фундаментом для идеи мирного сверх-капитализма.

Наиболее «глубокое» обоснование теории растущей мощи демократии находится, несомненно, в брошюре, написанной в период между русской и германской революциями под названием «Сербия и Бельгия». Во втором выпуске брошюры («Бельгия», Мэсква 1919, стр. 72 и сл.) читаем: «Было бы совершенно неправильно рассматривать империализм, как единственный продукт современного капитализма, и оставлять при этом без внимания демократию... В современных государствах видят только империализм и не видят необходимости демократии—необходимости во всех смыслах этого слова, как непременного требования пролетариата и как неизбежного результата самого механизма капиталистического процесса производства... Демократия является результатом не только пролетарской классовой борьбы, но и самого механизма капиталистического процесса производства. Она неудержимо растет вместе с этим механизмом, наперекор всем временным помехам... С чисто-экономической точки зрения положение пролетариата безнадежно. Только демократия, и с нею политическая сила пролетариата растет постоянно и непрерывно. Только она в состоянии справиться с соединенными силами предпринимателей и освободить пролетариат и экономически, путем вмешательства демократической государственной власти»...

Увенчивается здание следующим тезисом о тенденциях: «Стремление к демократии растет в народных массах современных государств при всяких обстоятельствах, между тем как стремление к расширению государства охватывает капиталистические круги (несколько выше подчеркнуто: «известные капиталистические группы». *Э. Л.*) только при определенных исторических условиях».

Если прибавить, что эта идея мирного парламентского развития представляется Каутскому частным случаем общей теории о непрерывном демократическом развитии человечества [1]), а именно детерминированной формой непрерывного демократического развития в капиталистическую и предсоциалистическую эпоху, то нашим взорам предстанет теория растущей мощи демократии во всем своем «научном» содер-

[1]) Приведем одну из таких мыслей: «Основной причиной войны были империалистические тенденции различных государств, вызванные избытком в них капитала или интеллигенции или одного из этих двух факторов. Итальянский империализм, например, происходит без сомнения преимущественно от избытка интеллигенции, не находившей себе занятия на родине, а не от избытка капитала». Один из этих двух источников империализма—избыток капиталов — еще до войны начал оскудевать, война же покончит с экспортом капитала из Европы, быть может, навсегда. Ну, а второй источник империализма можно закрыть совсем легко: стоит только повести широкую «культурную политику» на те деньги, которые государство тратит на вооружение и войну. Это еще не будет социализмом, но это будет означать «неимоверный и неизбежный шаг вперед по сравнению с империализмом». Так, читатель, говорит Каутский в 1915 г.

[1]) Много, с любовью написанных, страниц уделяется этой теории в «Нац. гос. и т. д.» (1915), а также в брошюре о диктатуре пролетариата 1918 г.

жании. На примере этой теории можно лишний раз видеть, к какому грубому отходу от марксизма приводит орудование совершенно абстрактным положением при об'яснении закономерностей конкретного исторического отрезка. Изобразив все дело в виде механического и параллельного «производственно-политического» развития, Каутский низвел сложную проблему до пошленькой обывательской премудрости, что-де производство совершенствуется и политический строй совершенствуется. А глубокомысленно взвешивая шансы демократии (к ней, мол, стремятся широкие народные массы и притом—«при всяких обстоятельствах») и империализма (его хотят только «известные капиталистические группы» и притом—«только при определенных исторических условиях»), Каутский хитро подменяет марксистскую проблему об'ективных пределов демократического развития при капитализме [1]) мещанским оптимизмом, сводящимся к затушеванию неразрешимых противоречий капиталистической системы.

Для Каутского политическая история человечества есть движение по пути реализации принципов демократии; реализация же эта происходит в виде постепенного и непрерывного количественного накопления демократических элементов. При этом капиталистический способ производства самим своим механизмом осуществляет эту абстрактную категорию демократии («чистой демократии») достаточно полно, так что социализму останется лишь доделывать кое-какие детали. С этой точки зрения политическая реакция, характеризующая современный капитализм, представляет не больше, чем противоестественное нарушение нормального политического развития современного общества, его задержку или отклонение от того пути, по которому оно толкается самим капиталистическим производственным механизмом. Но подлинная политическая тенденция капитализма, т.-е. демократическая тенденция, конечно, проложит себе дорогу «наперекор всем временным помехам»! Демократический капитализм должен наступить, ибо действительно-развернувшийся, полностью осуществивший свои тенденции, капитализм есть демократический капитализм! Видана ли когда в претендующей на марксизм литературе более тупая метафизика? Превратить общественное развитие в подобие снежного кома, безобидно докатывающегося до идеальных (чей идеал?) размеров «чистой демократии», призвать для этой цели первобытные народы, тень средневековья, XVIII век [2]), чтобы почерпнуть из них филистерский трюизм на счет совершенствования производства и политической жизни и тем самым стереть мелочь: внутренние противоречия этого «совершенствования», классовую сущность этого развития—видано ли большее опошление марксизма? Идеолог II Интернационала под видом и под

[1]) «Влюбленный в «чистоту» демократии, Каутский нечаянно совершает ту самую маленькую ошибку, которую всегда делают все буржуазные демократы: именно он формальное равенство (насквозь лживое и лицемерное при капитализме) принимает за фактическое! Мелочь!» (т. XV, 466). Эту природу капиталистической демократии прекрасно понимал Анатоль Франс, писавший: «Закон справедлив, он в равной мере разрешает просить милостыню богатому и нищему, и он одинаково не запрещает провести под мостом дождливую осеннюю ночь домовладельцу и какому-нибудь бездомному бродяге».

[2]) См. «Нац. гос. и т. д» (1915) и брошюру о диктатуре пролетариата (1918).

названием непрерывного демократического развития протаскивает буржуазную идейку о неуклонном политическом прогрессе, который-де состоит в том, что растет культурность и образованность большинства населения (при чем тут классы?), и этой идейкой он заменяет основной закон современного демократического развития, который гласит: «Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне» (формулировка Ленина, т. XV, 460).

И уж, конечно, Каутский должен был забыть, как нечто идущее вразрез с его схемой кризис парламентаризма, этот заключительный политический этап капиталистического развития. В свои лучшие годы Каутский учил, как мы видели, что «политика насилия» составляет существо новой «индустриальной системы». Теперь же он силится доказать, что демократия—это совокупный интерес (Gesammtinteresse) всего буржуазного общества [1]). Теперь он отказывается понять, что «империализм противоречит, «логически» противоречит всей вообще политической демократии». Существует «противоречие между экономикой новейшего капитализма (именно: монополистического капитализма) и политической демократией вообще» (Ленин, XIII т., 356). Вот почему победившему социализму придется восстанавливать демократию (Ленин, там же, 401), а не только доделывать политическое наследство, полученное от капитализма.

Эта диалектическая сложность процесса скрыта от мещанина, верящего в непрерывное демократическое развитие. Ограниченный в своем кругозоре уютными парламентскими стенами, он, однако, необычайно смел, пока находится внутри этой клетки. Здесь он строит горделивые теории о том, что империализм—это «вопрос силы». Каутский воюет против правых (Кунова и др.), видящих необходимость империализма и земно ему по сему случаю поклоняющихся. Империализм—не экономическая необходимость, а лишь дело соотношения сил внутри капиталистического общества—таков лейтмотив всех рассуждений Каутского об империализме. Это следует читать: судьба империализма решается в парламентской борьбе, не затрагивающей капиталистического способа производства.

Теория самодовлеющего характера государства, это извращение марксизма, которым столь прославил себя Каутский, с необходимостью вырастает на почве теории растущей мощи демократии, занимая в ней виднейшее место. Капитализм может безостановочно политически демократизироваться. Больше того, капитализм должен безостановочно демократизировать свой государственный строй, ибо демократические стремления народа представляют прямую функцию производственного совершенствования капитализма, а государство—это реализация и воплощение мощи демократических стремлений народа. И мещанин взывает к мудрости будущей государственной власти (в ее добрых желаниях и в ее силе он не может сомневаться!): «Безусловно необходимо, чтобы в дело вмешался единственный фактор, который ныне еще превосходит их (тресты и т. д. *Э. Л.*) по экономической силе, и который, по крайней мере, в рамках своей территории представляет в противовес частным интересам единичных хозяйственных

[1]) Выражение Каутского в «Soz.-dem. Bemerkungen etc.», 28.

групп общие интересы всего буржуазного общества: государство»,—пишет Каутский в 1918 г., размышляя о послевоенных хозяйственных перспективах («Soz.-dem. Bemerk. etc.», 28 и сл.)[1].

Но, может быть, всего выпуклее выступает смысл каутскианской схемы (теоретический и политический) в кратенькой тираде из статьи, посвященной нашей февральской революции (апрель 1917 г.): «В двух вещах пролетариат настоятельно нуждается: в демократии и в социализме... То и другое нужно пролетариату в равной мере. Общественное производство без демократии могла бы стать одним из наиболее гнетущих оков. Демократия без социализма оставляет в силе экономическую зависимость пролетариата» («N. Z.», 35—2, стр. 11—«Die Aussichten d. russischen Revolution»).

Здесь в немногих словах сказано много. Во-первых.—Что—в основном—демократия, нужная пролетариату, осуществима в пределах капиталистической системы. Во-вторых.—Что поэтому одно из двух своих жизненных стремлений (совершенно равноценных!) пролетариат достигает при капитализме. В-третьих.—Что социализм и «чистая» демократия не представляют неразрывного целого, так, чтобы существование одного без другого было немыслимо; но что, напротив того, они мыслимы в раздельности, и можно говорить об осуществлении одного из них раньше другого. В-четвертых.—Что действительное развитие и пойдет таким путем, что вначале осуществится одно из этих стремлений,—а именно: демократия,—и уже на ее основе, пользуясь ее благами, рабочий класс подойдет и ко второй своей цели—к социализму. Или, выражаясь нынешними терминами, политическая демократия открывает поле для хозяйственной демократии.

Такова та теория растущей мощи демократии, которая служит последним, а со второй половины войны — единственным обоснованием необходимости ультра-империализма. Эта теория, считающая империализм отклонением от нормального капиталистического пути, претендует на доказательство не-избежности ультра-империализма, а не только его возможности. Характерно, что по мере того, как аргументация от демократии занимает авансцену, заслоняя, а затем вытесняя, «экономические» доводы, растет уверенность Каутского в торжестве ультра-империализма. За три года (1914—1917) ультра-империализм Каутского проделал большой путь: от одной из возможных перспектив капиталистической эволюции (которая к тому же имеет наименьшие шансы за себя)—через вероятный вариант развития капитализма (неоднократные заявления в 1915 г., что судьбу империализма решит исход войны)—к неизбежному, единственно закономерному этапу, который капиталистический способ производства должен пройти прежде, чем настанет исторический час социализма.

Итак, идея ультра-империализма, т.-е. представление о демократическом, мирном капитализме, как последней, высшей форме капиталистического способа производства, прямо вытекает из самой теории растущей мощи демократии, или, если угодно, входит в нее как составная часть. Каутский, однако, не ограничивался общим рассуждением и старался его детализировать, естественно в связи с вопросами войны. Причины войны, значение войны и национальный вопрос—вот три направления, по которым располагаются рассуждения Каутского о войне 1914 г. Задача: доказать, что война не представляет необходимости для капитализма и что поэтому она не повторится.

1. Основная причина войны. Выше (при сопоставлении Каутского с Гильфердингом) мы могли видеть, что Каутский отказывается признать связь современной торговой политики с войной. Современные экспансивные стремления, писал он, нельзя смешивать с таковыми же стремлениями эпохи первоначального накопления. Там они состояли в вооруженной борьбе монополистических компаний, сейчас же они сами страдают от применения оружия. Но где же тогда причина мировой войны? Полнее всего тогдашний ответ Каутского изложен и обоснован в «Нац. госуд. и т. д.» (1915):

«Империализм—виновник мировой катастрофы постольку, поскольку он служил побудительной причиной соперничества в вооружении, втянувшего, естественно, в свой круг все крупные державы, независимо от того, побуждают ли их к этому империалистические мотивы или нет. Это состязание в вооружении должно было неминуемо привести к войне, если бы оно не было во-время приостановлено,—даже при условии, если бы все спорные империалистические пункты удалось уладить путем мирных соглашений... События пошли путем, совершенно противоположным обычному. Обычно государства сперва формулировали требования, об'являли затем войну и приступали к мобилизации. На этот раз мобилизация была об'явлена не из-за войны, а война из-за мобилизации, а от исхода войны будет зависеть установление целей, из-за которых она будто бы велась и исполнение которых захотят навязать противнику. Как добиться при таких условиях мира? Пока борьба будет итти не за определенные требования, а из-за смутных опасений (! *Э. Л.*), не имеющих пределов, до тех пор каждая страна будет прилагать все свои

[1] Как же мы придем к такой идеальной государственной власти? А в результате демократического развития. Анти-демократические тенденции в состоянии это развитие лишь временами задержать, пока расстройства, вызванные этой задержкой, не усилятся настолько, что станут чувствительны для широких слоев и будут заметны даже для необразованных и ложно информированных голов. Окончательное преодоление задержки произойдет тогда в результате Dammbruch'а, катастрофы, будь то падение правительства, партийный раскол или что-либо подобное» („N. Z.", 35—2, стр. 182. «Die Befreiung d. Nationen»).

Этот «ужасный» Dammbruch, парламентская катастрофа, и приведет, по уверению Каутского, к осуществлению политической тенденции капиталистического способа производства—к «превращению правительства в простых (blosse) уполномоченных парламента» («S.-d-ie u. national-liberale Taktik», «N. Z.», 35—1, стр. 542).

Удивительно ли, что отрицание революции и диктатуры пролетариата есть логически необходимая составная часть этой теории непрерывного демократического развития. «Правительственным классом пролетариат может стать только средствами демократии»,—пишет Каутский в марте 1917 г.! (Там же, 542). В 1918 г. он так извращает Маркса: «Диктатура пролетариата была для Маркса состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат в большинстве» (Брошюра о диктатуре пролетариата. Вена 1918, стр. 21). В 1920 же году, в одной из характернейших для послевоенного центризма статей, он раз'ясняет: «Мы стремимся к демократии не потому, что она нам кажется идиллией, а потому, что она представляет лучшую почву для постепенного изживания классовых противоречий между капиталом и пролетариатом... Где вопрос гласит: равноправие всех или полноправие одного только класса, демократия или аристократия, мы должны высказаться за демократию, даже в противовес пролетарской аристократии» (Der Kampf, 1920, июнь—«Demokratie u. Demokratie»).

усилия, чтобы не быть побежденной. Если бы она в точности знала, чего требует от нее противник, она, может быть, пришла бы к заключению, что продолжение войны, даже в случае победы, может ей принести больше вреда, чем соглашение по поводу выставленных требований» («Нац. гос. и т. д.», стр. 74 и сл.).

Можно подумать, что Каутский излагает здесь взгляды обывателя, с умыслом несколько шаржируя их. Ничего подобного! Это идеолог II Интернационала говорит от своего имени, мастерски запечатлевая свой мещанский образ мыслей. Нежелание подняться над уровнем обывателя, неумение брать явления в их об'ективном содержании, растерянность перед лицом «необычной» внешности событий, такой дикой и противоречащей привычным представлениям, и при всем том,—скрытая за легким недоумением («как это люди до сих пор не поняли свою пользу?»), полная пафоса и тупости, вера в торжество добра и здравого смысла, такая уютная, такая обнадеживающая! Разве это не все, что требуется от хорошего филистера? И разве Каутский не доказал своим толкованием империалистической войны, что он хороший филистер?

Соперничество в вооружении—вот в чем Каутский видит истинную причину катастрофы 1914 г. [1]). Напуганный ужасами войны, мещанин кричит, чтобы, по ее окончании, прекратили соревнования в вооружении,—и с негодованием его беспомощный «здравый смысл» отбрасывает малейшее сомнение в осуществимости этого требования. «Было бы просто бессмысленно, если бы рожденная соперничеством в вооружении война со всеми страшными опустошениями, которые она с собою несет, привела не к устранению причины войны, а к ее сохранению и тем самым обеспечила бы в скором времени новую, еще более ужасную, мировую войну» («N. Z.», 32—2, стр. 878—«Die Vorbereitung d. Friedens»). «Было бы просто бессмысленно!.. Не шутите,—это научный метод марксиста Каутского.

2. Значение войны 1914 г. для судеб капитализма. С одной стороны, в результате войны империализм станет «моральным банкротом еще быстрее, чем манчестерство после великого кризиса 73 года» («N. Z.», 35—2, стр. 114—115—«Imperialismus u. reaktion. Masse»). Это произойдет, во-первых, потому, что в нем разочаруются широкие массы, во-вторых, под влиянием военного материализма», впечатление от которого «не так-то легко будет стереть» после войны («N. Z.», 32, стр. 981—«Wirkungen d. Krieges»). С другой стороны, война разрушит материальную основу будущих войн. «Бремя войны будет столь неимоверно, что было бы в финансовом отношении тяжело, если не невозможно, прибавить к нему после заключения мира бремя новых состязаний в вооружении, именно, в виду конкуренции хозяйственно-неповрежденной и мощной Америки» («N. Z.», 32, стр. 845—«Der Krieg»).

Итак, война 1914 г.—последняя война. Она расчищает дорогу для мирного капитализма. «Мы ожидаем банкротство импера-

[1]) «В Западной Европе к моменту наступления войны отсутствовали спорные империалистические пункты. Они все были раньше урегулированы» («Нац. госуд. и т. д.», стр. 74). «То обстоятельство, что местный конфликт между Австрией и Сербией сразу же зажег весь мир, об'ясняется в последнем счете тем, что система соперничества в вооружении превратила всю Европу в два враждебных военных лагеря» («N. Z.», 32—3, стр. 878—«Die Vorbereitung d. Friedens»).

лизма и политики вооружения, мощный под'ем демократии. Тем самым Европа вступает в новую эру быстрейшего политического и социального преобразования. Это та сторона войны, которая в обстановке всеобщей нужды преисполняет нас самыми радостными ожиданиями».

Так писал Каутский в мае 1917 г. («N. Z.», 35—2, стр. 145—«Die Befreiung d. Nationen»). К этому времени последние обрывки его былой революционности успели сгнить. Программа, которую он предлагал рабочему классу, полностью охватывалась старчески боязливым и старчески самолюбивым лозунгом: «В политику социал-демократии война не должна внести никаких изменений» («Нац. гос. и т. д.», стр. 90).

3. Национальный вопрос в связи с войной. Национальный вопрос в схеме Каутского составляет целую цепочку аргументов в пользу теории «последней войны». Во-первых, он используется Каутским в деле доказательства того важнейшего тезиса, что война 1914 года вовсе не целиком империалистическая. Настоящая война, заявляет Каутский, «это борьба не только между разными империализмами, но и между империализмом и демократией, между более или менее демократическими и более или менее империалистическими и милитаристскими государствами» (Сербия и Бельгия, вып. 2, Москва 1919 г., стр. 73). Во-вторых, выдвинув национальный вопрос в качестве одной из причин войны 1914 г., Каутский ловко раз'ясняет, что, поскольку война разрешит национальный вопрос, она устранит одну из возможных причин будущих войн. В-третьих, Каутский, строит доказательство того, что война таки в самом деле приведет к разрешению национального вопроса [1]). Мы остановимся коротко только на последнем.

«Союз государств, а не государство национальностей или колониальная империя, является той формой больших империй, в которой нуждается капитализм для достижения своей последней, высшей степени развития, когда пролетариат осуществит свою конечную цель. Такой союз может вылиться в самые различные формы—он может также стать союзом союзов. Такая форма наиболее эластична и способна к бесконечному расширению, вплоть до мирового союза» («Нац. госуд. и т. д.», стр. 87,—курс. наш) [2]).

Сказано совершенно категорически,—ну, а доказательство? Но зачем доказательство, когда есть такая порука, как демократия, распускающаяся подобно цветку: «В направлении исторического развития лежит прежде всего самостоятельность наций» («N. Z.», 32—2, стр. 877—«Die Vorbereitung d. Friedens»). Правда, путь к светлому идеалу усеян различными формами

[1]) В политике выпячивание национального вопроса служит Каутскому еще для обеления II Интернационала. В прежних местных империалистических конфликтах «линия поведения Интернационала была ясна и элементарна». «В настоящей мировой войне перемешались империалистические проблемы с демократическими и в этом осложнении не в малой степени коренятся причины того большого замешательства, которое она внесла и еще продолжает вносить в ряды социалистических партий почти всех стран» (Сербия и Бельгия, стр. 73).

[2]) Через год (1916) развивается мысль о «возникновении и продолжительном, плодотворном функционировании такого союза государств, как средне европейский, на основе добровольного вступления в его члены» («Об'единение Средней Европы», М. 1916, стр. 80—81).

национального угнетения. Ученый надевает очки и глубокомысленным взглядом окидывает мировую историю. Возможны, видите ли, три основные комбинации национального угнетения, «различия которых основываются на различии между первобытной и современной демократией». А именно: а) первобытные народы порабощаются также примитивным народом—например, восточные деспотии; в) современная нация подчиняет себе народ с примитивной демократией—таково колониальное государство; с) различные современные нации с развитой политической жизнью об'единены в одно государство—это уже будет государство национальностей.

Если бы кому-либо пришло в голову издать хрестоматию филистерских мыслителей, ему невозможно было бы найти другой такой образчик абсолютного отсутствия самомалейшего диалектического штришка, как это рассуждение «марксиста» Каутского. Надо же уметь выдавать за марксизм такой тупой фетишизм формы, который не только игнорирует реальность, проявляющуюся в этой форме, но который сверх того вытравливает самую реальность форм, т.-е. их историческую обусловленность....

Но почему же все-таки «союз государств, а не государство национальностей или колониальная империя, является той формой больших империй, в которой нуждается капитализм»? Можно подумать, что Каутский займется специальным анализом капиталистического способа производства, ибо иначе «нужду капитализма в союзе государств, построенном «на добровольном вступлении в его члены», доказать нельзя. Каутский, однако, не забыл своих злоключений с экономическими обоснованиями ультра-империализма. На сей раз он выбирает менее хлопотливый путь. Он предлагает отрицательное доказательство, а именно—об'являет «мнимым законом» положение, что «капиталистический способ производства по экономическим причинам лишает жизнеспособности в политике мелкое государство, точно так же, как мелкое предприятие в промышленности» («Об'единение средней Европы», М. 1916, стр. 31).

После всего вышеизложенного мы не удивимся этому новому проявлению формального мышления. Идеолог II Интернационала не может (органически!) различить формальную независимость государства от его способности проводить собственную, независимую политику. Певец демократии и подумать не хочет о неизбежной противоречивости «демократического строя» при капитализме. Недалеко уйдя от схоластических реалистов давно ушедшего века (столь часто привлекаемого им в свидетели явлений новейшего капитализма), Каутский свято верит в реальность демократической терминологии. Раз говорится: «добровольное вступление в члены»—значит, так оно и есть. Раз сказано: «равенство великой и малой нации в капиталистическом союзе государств»—не смей в этом сомневаться [1]).

Тот же формальный метод Каутский применяет и в колониальном вопросе. Вот почему он не в состоянии понять проблему

[1]) Диалектика национального вопроса в эпоху империализма сформулирована Лениным в следующих словах: «Империалистическая эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций ни «осуществимости» этих стремлений в пределах мировых империалистических отношений» (т. XIII, стр. 363. Курсив и кавычки Ленина).

долуколоний, эту характернейшую проблему современного капитализма. «Турция не Индия... В Индии все высокие посты в государственном управлении и в армии замещаются британцами, т.-е. иностранцами... Можно удивляться, что Дельбрюк называет Турцию колониальной сферой Германии. Ведь она союзник Германской империи» («Bismark u. d. Imperialismus», «N. Z.», 34—1, 365). Или: «Уже прошло то время, когда можно было обращаться с Мексикой, как со своей колонией» («Об'ед. средн. Европы», стр. 45). Или: «Китай перестал быть об'ектом европейской колониальной политики. Мировая война позволила ему окрепнуть политически и экономически и оздоровиться в финансовом отношении» («S.-d. Bemerk. etc.», 100—101).

Как посредством идеи непрерывного демократического развития доказывает Каутский, что война приведет к разрешению национального вопроса. В свою очередь эта теория национального вопроса несет свою специальную службу в основном предприятии Каутского, в обосновании идеи о последней войне и об ожидающем нас рае мирного капитализма. А теперь, после столь долгого и терпеливого пребывания в чистилище «чистой демократии», мы вправе хоть одним глазком заглянуть в этот капиталистический рай, рисующийся воображению мещанина.

Ошибся бы тот, кто бы вздумал, что царство мирного капитализма будет держаться на выросшей мощи рабочего класса. Человек, который так понял бы Каутского обнаружил бы полнейшее незнание каутскианства, искусство которого ведь в том и состоит, чтобы с пафосом проповедывать о целительных абстракциях и с ловкостью подменять их либеральными идейками, когда дело доходит до практики. Соль ультра-империализма состоит как раз в том, что практически-политически он ожидается отнюдь не от роста силы пролетариата, а от пацифизма буржуазии.

Таким образом, мнение, будто ошибка Каутского—в его убеждении, что рабочий класс может осуществить свое требование мира еще при капиталистическом строе, верно лишь отчасти и неверно в основном. Несмотря на горячо проповедуемую теорию усиления политического влияния рабочего класса, Каутский ставит ставку вовсе не на рабочий класс, а на буржуазию. Его рассуждения при этом поразительно напоминают другую его идею, так скоро и позорно отцветшую, идею нового либерализма, провозглашенную им в 1910—1912 г.г. В 1917 г. он пишет: «После войны следует ожидать большую борьбу внутри самого буржуазного класса, между сторонниками войны и пацифистами, сторонниками разоружения и сторонниками соперничества в вооружении, противниками и защитниками пошлин на жизненные припасы и сырье» и т. д. («Imperialismus u. reaktionäre Masse», «N. Z.», 35—2, 114—115). На этой буржуазной оппозиции империализму (Каутский имеет для нее специальный термин: «моральное банкротство империализма») строит Каутский свои политические расчеты на наступление эры ультра-империализма. И здесь же он пытается аргументировать от об'ективной почвы этой оппозиции (не указывая, впрочем, в чем же собственно эта об'ективная основа состоит): «Шаблонные политики, полагающие, что если что-либо происходит, то это уже навсегда, насмехаются над этим стремлением буржуазного пацифизма к разоружению и пустейшим судам... Они не замечают реальных условий, которые

уже до войны сделали буржуазный пацифизм в некоторых государствах силой, вынуждавшей империализм к уступкам» [1]). Таким образом, почти за десять лет до Марсельского конгресса II Интернационала и до программной статьи Гильфердинга [2]) теоретик центризма сформулировал достаточно полно идею о «реалистическом пацифизме» современной буржуазии. То же относится и к другой формулировке этой идеи, нашедшей место на Марсельском конгрессе,—к осуждению старого тезиса социал-демократии: «капитализм—война, социализм—мир». «Мы должны в пользу вечного мира работать уже в нынешнем обществе, и нам не следует высмеивать этот вечный мир, как неосуществимую утопию» («N. Z.», 34—1, 562. «Mitteleuropa». В русск. изд. 1916 г.—перевод Энзиса—эта глава опущена).

А вот как все это выглядит в политической платформе, предложенной Каутским в 1918 г., когда война явно близилась к концу: «И от буржуазных правительств и партий должны мы требовать, чтобы с заключением мира состояние войны прекратилось во всякой форме, чтобы международные сношения возобновились на основе равноправия всех наций и чтобы заключение мира приняло такую форму, которая бы обеспечила от насилия все народы, которая бы сделала возможным не только мир, но и дружбу со всеми народами» («S.-dem. Bemerk. etc.», стр. 6) [3]).

II.

Идея ультра-империализма родилась в борьбе против леворадикальной формулы: «империализм или социализм». Ее назначением было обосновать реформистскую партийную политику, опиравшуюся на другую формулу: «война или разоружение». Но когда история решила в пользу войны, доказав этим никчемность центристских заклинаний, формула левых 1910—1912 г.г. вновь заняла авансцену. Однако расположение партийных сил было сейчас совершенно иное, в значительной мере по милости военного политического режима. Правое крыло партии, подчеркивавшее свою солидарность с центром во время его борьбы против левых, заговорило сейчас откровенно. Правые принимали формулу левых «империализм или социализм», однако лишь в том смысле, что именно империализм должен подвести человечество к социализму. Продолжая теперь борьбу против центра, начатую левыми, они, естественно, повели ее в противоположном направлении, обосновывали противоположные перспективы. Левые доказывали социалистическую зрелость человечества в период империализма и об'являли его периодом революции, они утверждали, что социализм означает новое, иное направление развития, которое может быть начато в любой момент империалистической эпохи, но лишь при условии пролетарской власти. Правые видели в империализме закономерный метод подготовки предпосылок социализма, и, отрицая революционный характер империалистической эпохи, рассматривали социализм как экономическое состояние, которое будет постепенно созревать по мере того, как империализм будет осуществлять его предпосылки. Таким образом, правые выставляли положение о предстоящем длительном периоде империализма.

Давид в нашумевшей в свое время книжке «Die S.-Demokratie im Weltkrieg», Brl. 1915, высказывает следующий основной тезис: «Включение всей земной сферы в новейшее технически-индустриальное развитие представляет неудержимый, необходимый и полезный процесс. Он совершается ныне и может ныне совершаться, как правило, только средствами капиталистического предпринимательства». «Меньше всего мы принципиальные противники мирохозяйственной экспансии, как таковой. Мы боремся не против содержания (das Was) такого «империализма», но только против методов (das Wie), которые он применяет, против его склонности к человекоистребительным приемам для достижения скорой и высокой прибыли за счет естественной жизни и человеческого счастья» (стр. 64).

Другой идеолог социал-империализма, известный уже нам по леворадикализму Ленш (его преображение произошло в начале войны), полагает: «Как раз путем настоящей мировой войны капиталистическая эпоха достигает неимоверной силы, ее победное шествие не у конца, но для большей части земного шара лишь у начала» («Hamb. Echo», 1915—Цит. «N. Z.», 33—2, 365).

Однако борьба ведется Каутским не против этих открытых империалистов. Она направлена против Кунова, в своей книжке «Partei-Zusammenbruch?» (1915) выразившего то новое направление, которое берет основная часть социал-демократического центра с начала войны и которое, не отличаясь существенно от открытого социал-империализма, подготовлялось, конечно, еще до войны. Кунов развивает следующую мысль:

«Империализм—это «только развитой, потенцированный капитализм», «хозяйственная фаза», сущность которой—далеко зашедшая концентрация капитала. Поэтому нелепо бороться против империализма. Борьба против империализма имеет столько же смысла и столько же шансов на успех, как и борьба против машин на заре капитализма. Империализм необходим, как переходный этап к социализму. «Я считаюсь с новой, финансово-капиталистической хозяйственной эрой, у начала которой мы стоим. Только она, по моему мнению, создаст предпосылки социализма» («N. Z.», 32—2, стр. 204 — «Illusionen-Kultus»). Мы должны

[1]) Что Каутский понимает под уступкой империализма пацифизму, видно, например, из следующего занимательного места из его статьи 1917 г. (Der imperialist. Krieg. «N. Z.», 35—1, 482): «Империалисты каждой великой державы оказались вынужденными, несмотря на некоторые первоначальные трения, столковаться с империалистами одной или нескольких других великих держав, заключить с ними союз. Но тем самым они уже вступили на путь весьма значительной м о д и ф и к а ц и и империализма»...

[2]) Ст. Гильфердинга о «Реалистическом пацифизме» была напечатана в «Gesellschaft» в 1924 г.

[3]) Приведем, в заключение, редкое по выразительности место из статьи Каутского от октября 1914 г. Через два месяца после начала войны идеолог центризма сладенько шамкал почти богобоязненные филистерские речи: «Мы вправе ожидать, что настоящая война уже через несколько месяцев вызовет точно такую же потребность в длительном мире, как два десятилетия войн сто лет тому назад. Возможно, что, как и тогда, он будет заключен на международном конгрессе. Уже сейчас мы имеем дюжину воюющих, один их съезд представил бы международный конгресс. На этот раз он занимался бы дележом не только Европы, но и всего мира. Тут и нейтральные страны потребовали бы своего участия. Правительства ныне не были бы столь независимы от народов, как сто лет тому назад. Они не могли бы просто игнорировать их желания. При таких обстоятельствах не было бы исключено, чтобы этот конгресс, поддержанный всеобщей тоской по миру, создал такое произведение, которое по меньшей мере будет столь же долговечно, как произведение Венского Конгресса. Но мир на пятьдесят лет должен стать длительным, вечным миром».

считаться с финансово-капиталистическим хозяйственным периодом и с вытекающей из него капиталистической политикой еще на десятилетия» (там же, стр. 208).

Основное возражение Каутский направляет против «необходимости» империализма. Его аргументацию мы знаем достаточно подробно. Но приходится сказать, что действительность Кунов видел гораздо вернее Каутского. Кунов понимал, что империализм не политика, а новейшая система капитализма — экономическая, а потому и политическая. Кунов, далее, близко подошел и к конститутивным признакам новой, по его выражению, «хозяйственной фазы» [1]). В противовес каутскианскому отождествлению империализма с колониальной политикой, он считает, что империализм (поскольку он есть политика)—это то же самое, что «мировая политика». Кунов, как и Давид, как и Ленш, смотрел на современный капитализм через очки буржуа, видящего колоссальную позитивную работу, которую финансовый капитал развивает по части создания мирового хозяйства и организации производственного процесса. Но буржуазные очки закрывали от них внутренние противоречия современного капитализма, ставящие границу его способностям к организации мирового производства, и закономерности роста этих противоречий. Они все трое вдохновлялись организационным развитием капитализма, пророча ему десятилетия дальнейшего совершенствования. Различия между ними—это не больше, чем различия темпераментов. Грубовато-практичный с уверенной улыбочкой Давид, восторженный без меры Ленш (вспомним Ленша левого), профессорски-педантичный и профессорски-высокомерный Кунов—все трое, в сущности, обрабатывали одно поле—буржуазных представлений об империализме, хотя и не глядящих в будущее, но, при всем

[1]) Следующие три ошибки Кунов считает основными в приведенном нами определении империализма Каутского, даже если понимать империализм как политику:

1) Империализм Каутский отождествляет с колониальной политикой («Illusionen-Kultus», «N Z.», 33—2, 202 - 203). При этом «характерная ошибка определения Каутского заключается как раз в том, что определение это, которое ведь должно об'яснить природу империализма, оставляет без внимания как раз современные империалистические черты новейшей колониальной политики» (199).

2) «Колониальная политика имеет своим источником не стремление каждой индустриальной нации, но стремление капиталистических государств» (199).

3) «Главной движущей силой нынешней колониальной политики является не промышленный капитализм, а финансовый капитал» (199).

Отсюда: «Определение Каутского слишком узко. Оно охватывает лишь часть тех политических явлений, которые уже ныне, в самом начале империалистической эры, обозначаются как «империалистические». Стремление добиться на чужой территории железнодорожных, горных и земельных концессий, например, Япония—в Китае; или стремление крупных финансовых консорциумов снабдить чужие страны железными дорогами и, таким образом, поставить их в финансовую зависимость от себя (ср. Багдадскую дорогу); или, например, попытка какого либо государства аннексировать соседние рудные и угольные бассейны, чтобы доставить дешевое сырье своей растущей крупной промышленности; или постройка морских станций в отдаленных частях света для обеспечения определенных торговых или колониальных планов; или сооружение каналов на чужой территории (ср. Панамский канал) с целью добиться гегемонии (Oberherrschaft) в прилегающих водах, а, быть может, и с целью, при случае, расширить свои колониальные владения; все подобные стремления и предприятия не относятся, согласно определению Каутского, к понятию империализма, ибо они не попадают под рубрику присоединения аграрных областей» (200).

своем самодовольстве и ограниченности, исходящих из реального настоящего. Все трое популяризировали при этом свои буржуазные идеи такими доводами, которые бы могли получить доступ к голове рабочего. Каутский же, воюя с правыми, не сумел подняться над эпохой, т.-е. не сумел увидеть ее об'ективную закономерность. Свою критику он направлял из прошлого, делая ее тем самым еще менее научной, чем апологетика настоящего у Давида—Ленша—Кунова. Ленин в одном месте сравнивает позицию Кунова «с карикатурой, которую народники рисовали против русских марксистов в середине 90-х годов: дескать, если марксисты считают капитализм в России неизбежным и прогрессивным, то они должны открыть кабак и заняться насаждением капитализма» (Империализм). Известно, что эта карикатура на марксистов оказалась не так уже далека от подлинного портрета нашей «марксистской» буржуазии, заявившей о себе довольно скоро. Можно продолжить аналогию с той эпохой и сопоставить каутскианскую критику империализма с народнической критикой капитализма.

Выше мы видели, что внутренняя гнилость (теоретическая, а в значительной мере и политическая) взглядов Каутского периода юношеских порывов происходила от того, что они явились продуктом анализа империализма под углом зрения национального хозяйства. Но то же самое относится и ко взглядам Каутского периода старческого умиротворения. Империализм Каутский всегда стремился обосновать, как колониальную политику современных государств. Исходный пункт его анализа, составляющий в то же время основу анализа и его критерий—это отдельное капиталистическое государство (Каутский даже говорит: «нация»). Оно стремится к экспансии, подобно тому, как оно стремилось к экспансии с первых дней своего существования. Империализм—это лишь новейшая форма экспансии, и притом худшенная форма [1]). Что же касается мирового хозяйства, то оно при этом остается не больше, чем сферой действия национальных хозяйств.

Каутский не видит, что в нашу эпоху отношение национального капиталистического хозяйства и мирового хозяйства существенно, принципиально иное, чем в эпоху классического капитализма. Каутский носится со старой схемой, между тем как новейший капитализм означает именно перерастание старой формы мировых экономических связей в совершенно новый тип, принципиально отличный от прежнего. Если классический капитализм консолидировал ряд национальных капиталистических хозяйств, а остальной земной шар представлял при этом экономические резервы, на которые опиралось это сколачивание национальных хозяйств,—то империалистический капитализм есть прежде и раньше всего мировой капи-

[1]) «Можно доказать,—пишет Каутский,—что, во-первых, империализм не является единственным стимулом экспансивной политики держав; во-вторых, что колониальная политика—и именно в главнейших ее проявлениях—не империалистического происхождения; в-третьих, что агрессивная политика империализма, будучи далеко не необходимой для экономического развития капитализма, даже из всех современных методов капиталистической политики расширения является наиболее дорого стоящим и наиболее опасным методом, но далеко не наиболее действительным, так как на-ряду с ним применяются другие, играющие значительно-большую роль в экономическом отношении» («Нац. госуд. и т. д.», стр. 24).

тализм, диктующий свои экономические законы отдельным национальным хозяйствам, больше того—превращающий современные государственно-хозяйственные организмы в своих агентов. Вот почему сильнейшие из этих агентов должны стремиться стать хозяевами современного мирового хозяйства. Ибо в вечность кануло то время, когда капиталистическое национальное хозяйство было самостоятельным суб'ектом, было само себе хозяином и могло самостоятельно и спокойно развиваться рядом с соседями, лишь время от времени вступая с ними в экономические конфликты. Поскольку дело идет о хозяйственной территории, экономическая проблема современности — это не расширение национально-хозяйственной территории главнейших капиталистических государств, а создание единой мировой хозяйственной территории. Расщепленный на национально-хозяйственные образования, развивающиеся в политической обособленности, которая закрепляется в империалистический период сращением государственной власти с господствующими в стране монополистическими группами, — капитализм обладает лишь одним подходом к разрешению этой настоятельной проблемы современности: одно какое-либо капиталистическое государство (или комбинацию государств) поставить во главе мирового хозяйства, подчинив ему остальные национальные хозяйства. Вот почему мелкие капиталистические государства не могут в нашу эпоху вести самостоятельную политику, чего Каутский, как мы видели, не понимает. Вот почему крупнейшие капиталистические государства (или группы государств) ведут жесточайшую борьбу друг с другом за господство над миром, что Каутский тоже не видит.

Возможен ли ультра-империализм? С точки зрения национального хозяйства—вполне возможен. Почему, в самом деле, не об'единиться всем крупным капиталистическим державам для согласованных действий по расширению своей территории? С точки зрения мирового хозяйства, как она определяется в нашу эпоху,—невозможен. Потому что капитализм мог бы организовать мировое хозяйство (если бы мог!) лишь в форме господства сильнейшего над остальными. С точки зрения мирового хозяйства возможны лишь кратковременные соглашения между соперничающими империалистами, лишь перемирия между периодами борьбы.

Как экономическая категория ультра-империализм Каутского есть не что иное, как неправильное перенесение на мировое хозяйство закономерностей капиталистического национального хозяйства. По существу дела, Каутский не знает иного подхода к мировому хозяйству, чем как к национальному хозяйству, территориально расширенному до размеров всего земного шара. Все возможности, которые капитализм обнаружил в рамках национального хозяйства, Каутский не задумываясь распространяет и на мировое хозяйство. Финансовый капитализм об'единил основные капиталистические группы (промышленные, аграрные, финансовые) в каждой стране, создав своего рода экономическую устойчивость внутри национальных хозяйств; так почему бы финансовому капиталу не об'единить и экономически слить основные капиталистические государства? Из диалектики Каутский забыл совсем пустячок: что количество переходит

в качество. Если бы Каутский оставался марксистом, он бы не мог ограничиться чисто-количественным пониманием различия между национальным и мировым хозяйством. Он бы задумался над вопросом, не привнесло ли бы расширение национального хозяйства до размеров мирового (путем ультра-империалистического соглашения всех главнейших капиталистических держав) качественно иных элементов и положений по сравнению со старой системой нескольких крупно-капиталистических национальных хозяйств? И не идут ли эти новые свойства слитого мирового хозяйства вразрез с условиями, необходимыми для создания устойчивого капиталистического хозяйственного организма? Если бы Каутский был марксистом, он бы занялся изучением конкретных причин, разрешающих финансовому капиталу «организовать» национальное хозяйство, прежде чем утверждать, что финансовый капитал может организовать и мировое хозяйство. А такое изучение показало бы ему, что, во-первых, капитализм создал «организованное» национальное хозяйство таким способом, что внутри национального хозяйства господствует монополистическая группа, подчиняющая и ставящая себе на службу всю экономическую жизнь страны. И что, во-вторых, устойчивость, которой добилась эта группа в «организации» национального хозяйства, т.-е. попросту устойчивость ее господства, базируется на неустойчивости мировых экономических отношений. Ибо для поддержания этой внутренней экономической устойчивости монополисты каждой страны вынуждены беспрерывно расширять сферу своей внешней эксплоатации, неизбежно тесня друг друга и неизбежно все снова и снова стремясь разрушать существующее мировое экономическое равновесие, чтобы изменять его в свою пользу [1]). Но может ли в таком случае капитализм организовать мировое хозяйство хотя бы наподобие того, как он «организовал» национальное хозяйство? Нет, не может. Ибо этих двух предпосылок, которые капитализм имеет для национального хозяйства, он не дает для мирового хозяйства. Во-первых, современное мировое хозяйство представляет сумму нескольких государственно-монополистических групп, из которых ни одна не намерена подчиниться господству другой. Во-вторых, ультра-империалистическое соглашение этих государственно-монополистических групп не могло бы не пошатнуть внутри-национальную устойчивость некоторых из участвующих в соглашении государственных монополистов, ибо закрыло бы для них путь к достаточно большому расширению внешней сферы эксплоатации. Если бы ультра-империалистическое соглашение явилось результатом победы сильнейшего из государственно-монополистических капитализмов, принудившего остальных к соглашению с ним, то эти последние направили бы все усилия к тому, чтобы взорвать стесняющее их соглашение. Если бы, с другой стороны, ультра-империалистическое об'единение составилось в результате договора равных (именно на этот невероятнейший из невероятных случаев

[1]) Ленин глубоко понимал империализм, когда придавал особенное значение тому обстоятельству, что для империализма существенно стремление к «захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии (Германии—Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии — Багдад, как опорный пункт против Германии и т. д.)» Империализм как новейший этап капитализма).

рассчитывает Каутский), то в результате неравномерности экономического развития при капитализме (а при господстве монополии она усиливается!)—это равенство вскоре нарушилось бы, и ультра-империалистическое соглашение стало бы обузой для ушедших вперед капиталистических государств. В обоих мыслимых случаях хваленый ультра-империализм оказывается—самое большее—временной оболочкой для непрекращающейся борьбы крупнейших групп капиталистических государственных монополистов за действительное и нераздельное господство над мировым хозяйством. В этой смертной борьбе государственных монополистов друг с другом за господство над миром высшая ступень капитализма. В третьем томе «Капитала» Маркс писал, что создание мирового рынка есть один из трех «главных фактов капиталистического способа производства» (на-ряду с обобществлением процесса труда и обобществлением средств производства). Мы живем в эпоху, когда капитализм полностью осуществил эту свою историческую миссию [1]). Но он берется за разрешение дальнейшей задачи—за организацию мирового хозяйства. Она ему, однако, не под силу. Социализм поставлен историей в порядок дня, так как задачи эпохи разрешимы лишь методами социализма. Одна из основных таких задач—рациональная организация мирового хозяйства. Своей теорией ультра-империализма Каутский стирает основной вопрос современности, ибо допускает, что капитализм может организовать мировое хозяйство.

Каутский всеми своими представлениями об империализме торчит в старом капитализме, когда несколько капиталистических наций шли завоевывать неподвластные еще капитализму территории. Эта глубокая реакционность каутскианских представлений густо пропитывает все его писания военного времени. Так, Каутский бесконечно повторяет свои рассуждения насчет того, что одна страна более империалистична, другая более демократична, для доказательства того, что империализм отнюдь не обязателен на современной стадии капиталистического развития. Или он вдруг заявляет, что образование тройственного союза и тройственного согласия есть уже «существенная» модификация империализма, ибо здесь осуществились «тенденции к соглашению между империалистами разных стран» («Der imperialist. Krieg», «N. Z.», 35—1, 482—83). Или он выпячивает национальную проблему в качестве одной из основных проблем современной войны. И т. д. Одним словом, для Каутского империализм—это политика отдельных наций, а не миро-хозяйственная проблема...

Но что при этом особенно характерно, так это различные результаты, к которым приводит Каутского его «национальная» точка зрения в ранние года и на закате. Если на заре империалистических отношений точка зрения национального хозяйства вызывала наивную недооценку положительной работы современного капитализма, то в период начавшегося разложения империализма (а, следовательно, капиталистического способа производства вообще) эта точка зрения приводит к трусливому отрицанию безысходности

[1]) Маркс писал: «Собственно задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок, хотя бы в общих чертах, и установить производство, покоящееся на его основе» (Письма, изд. Адоратского 2-е изд., стр. 91).

капиталистических противоречий как раз в тот момент, когда перезрелость капитализма ставит в порядок дня социалистический переворот. Переходя сейчас к выводам из нашего рассмотрения взглядов Каутского, мы остановимся также и на реальных основаниях этой поучительной диалектики в развитии каутскианства.

V. Уроки.

I.

«Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли итти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелко-буржуазная демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистических странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а, напротив, слился с ней практически» (Ленин, «Империализм». Курсив наш. *Э. Л.*).

В этих строках Ленина указана не только социально-политическая позиция каутскианства и не только социальные корни его теоретических построений. В них заключается ключ к основной теоретической (если угодно — методологической) ошибке каутскианской теории империализма. Ослепительно яркий свет социально-политического дефетишизирования, который ленинизм бросает на основные экономические категории современности, закрывает нам глаза на глубоко заложенную, непосредственно для борьбы рабочего класса еще не понадобившуюся теоретическую конструкцию. Подробно проследив все развитие теории империализма Каутского, мы могли убедиться, что реакционность ее состоит не только в практически-политических выводах, но и в основной ее методологии и в стержневых теоретических положениях. Это в равной мере относится ко взглядам Каутского всех периодов, что дает право говорить о каутскианстве в теории империализма. Резюмируя наше рассмотрение, выделим три важнейших момента в оформлении и развитии каутскианства в теории империализма:

1) какие формы принимало каутскианство в разные периоды;

2) какова основная теоретико-экономическая формулировка каутскианства;

3) почему и какими путями реакционная теория каутскианства, начиная с противопоставления себя оппортунистическому потоку, в конечном итоге,—теоретически и практически неизбежно с ним сливается.

Для понимания каутскианства в высшей степени важно заметить, что его теоретические формы менялись в тесной связи с политической эволюцией Каутского. Именно—обычно новый этап в развитии теории империализма Каутского связан с новым этапом в борьбе Каутского против правых, на одном же этапе с борьбой против левых. Таких этапов было пять:

Первый этап. На грани двух столетий. В партии появляется течение (правда, на вид не особенно сильное), стремящееся повернуть партию на путь «национальной» экономической политики. В аргументах недостатка нет. Все они сводятся к тому, что рабочий класс заинтересован в расширении рынков «своей», отечественной промышленности, а, следовательно, в протекционизме. Злоба дня—перезаключение торговых договоров,—и вокруг «торговой политики» разыгрывается в германской соц.-демократии первый турнир по поводу новейшей капиталистической фазы. Вождем оппозиции выступает Макс Шиппель. Штутгартский партейтаг 1898 г. дает дружный отпор буржуазной оппозиции. Главный докладчик—Каутский. Мы видели его аргументацию: а) протекционизм—это затея некоторых капиталистических групп, а именно—аграриев (в первую голову) и картеллированной промышленности; он идет вразрез с действительными интересами национального развития. И—б) сами картели и тресты—вредное явление, порожденное необузданным стремлением капиталистов к прибылям и неимоверно усиливающее эксплоатацию рабочего класса и потребителей.

Второй этап. 1905—1909. Этот период мы рассмотрели достаточно подробно. Политически в нем основное—борьба вокруг так наз. социалистической колониальной политики. Правые тянут рабочий класс на путь империалистической политики своих отечеств. В правых, как это заметил Ленин уже в 1907 г., говорит квалифицированная верхушка европейского рабочего класса, подкармливаемая за счет сверхприбылей из колоний. Каутский раскрывает свое понимание современного капитализма в полемике с этим «рабочим» империализмом. Выше мы подробно показали, что словесная революционность аргументации Каутского пропитана теоретической реакционностью, состоящей в том, что экономика новейшего капитализма, ставшего мировой системой, рассматривается под углом зрения закономерностей старого капитализма, стремившегося стать мировой системой. Мы видели, что теоретическая основа «революционности» Каутского была не защищена как раз со стороны основного фактора: современного капиталистического развития.

Третий этап. 1910—1912. Вокруг обсуждения отпора надвигающейся войне, именно вокруг лозунга разоружения, загорается схватка с левым крылом партии. Схватка увязывается с общей политической борьбой в рядах соц.-демократии—в связи с предложенной левыми новой тактической ориентацией. Борьба обнаруживает непригодность каутскианской концепции 1905—1909 г.г. для обоснования центристской тактики. Рождается идея ультра-империализма, но ее обоснование бессодержательно. Требуется теоретическое доказательство необходимости мирного капитализма. В итоге: неудавшаяся попытка привлечь противоречия между развитием промышленности и сел. хозяйства к обоснованию теории сверх-империализма.

Четвертый этап. Империалистическая война (в особенности 1915 г.). Борьба ведется против правых. Именно в связи с этой борьбой идея ультра-империализма находит свое достойное обоснование. Каутский, наконец, пристраивает свою теорию на единственно подходящую для нее «научную» полочку, имя которой—«вера в растущую мощь демократии» или—что одно и то же—«вера в торжество благоразумия и добра в человеческом роде». Историческое место теории ультра-империализма Роза Люксембург прекрасно определила в следующих словах: «Как либерализм на закате дней своих апеллировал от мало просвещенной к более просвещенной монархии, так «марксистский центр» хочет апеллировать от буржуазии, которая не поддается советам, к буржуазии, поддающейся внушению, от курса империалистических катастроф к международным договорам о разоружении, от борьбы великих держав за мировую диктатуру сабли к мирной федерации демократических национальных государств. Генеральный бой за уничтожение всемирно-исторического противоречия между пролетариатом и капиталом превращается в утопию исторического компромисса между пролетариатом и буржуазией с целью «смягчения» империалистических противоречий между капиталистическими государствами» [1]).

Пятый этап. 1918 г. Кончается война. Каутский пишет книжку об экономике переходного периода (Soz.-dem. Bemerkungen zur Übergangswirtschaft), в которой пытается дать социал-демократическую программу залечивания военных ран. Он полагает, что основная задача—это наладить мирную хозяйственную жизнь. Под экономикой переходного периода он понимает переход от военного хозяйства к мирному. Этот переход, допускает Каутский, может стать базой для экономического перехода от капитализма к социализму; на большее он не рассчитывает. Но, слыша раскаты приближающейся революции, Каутский еще раз, в последний раз, воспламеняется огнем почти-революционной фразеологии. Он гневно выступает против вполне оформившегося и завоевавшего решающие партийные позиции реформизма. Он решается на это теперь тем легче, что с конца 1916 г. организационно порвал с социал-демократической партией. Последняя написала на своем знамени мирный в'езд в царство социализма на спине организационно совершенствующегося капитализма. В сущности, Кунов еще в 1915 г. исчерпывающе сформулировал теоретическое обоснование этой программы. В брошюре, посвященной партийному кризису, он писал: «Хозяйственная фаза империализма есть историческое преддверие к осуществлению социализма. Все больше передавая важнейшие отрасли производства в руки крупных капиталистических об'единений, отрывая руководство производством от собственности на средства производства, об'единяя технически связанные предприятия и ускоряя и концентрируя экспроприационный процесс, эта хозяйственная фаза создает известные организационные предпосылки для социалистического способа хозяйства» (стр. 15). Каутский об'являет войну именно последнему, подчеркнутому нами, положению. «Капитализм ни в какой мере не приготовляет организационное русло нового способа производства, в котором пролетариат

[1]) Накопление капитала—Антикритика, Гиз, 1922 г., стр. 106.

после своей победы мог бы без дальнейшего спокойно устроиться». «Из борьбы за социалистический идеал, а не из практики картеллированных предпринимателей и финансовых магнатов возникнет социализм». «Сила и зрелость пролетариата, а не определенная высота капиталистической организации посредством трестов и банков, представляет решающую предпосылку для осуществления социализма» (162).

Мы видим, что и в 1918 г. Каутский был бессилен дать диалектическую критику реформизма. В конце концов, он противопоставлял экономические предпосылки социализма политическим, чтобы, оставив в руках правых экономическую аргументацию, спрятаться под сенью политических надежд.

Итак, теоретически Каутский никогда не был в силах побороть правых. Они исходили из реальных отношений империалистической системы, которые они прикрашивали на буржуазный манер и в таком виде распространяли на все будущее вплоть до социализма. Каутский исходил из отношений, глядевших из прошлого и, идеализируя их, распространял их на все будущее, вплоть до социализма. Внутренних противоречий современности, действительных противоречий, обрекающих империализм на гибель, не видели ни правые, ни Каутский. Правые аргументируют фактами из реальной жизни, подобно буржуа, понимая и трактуя эти факты свободными от неразрешимой антагонистичности. Каутский «смотрит глазами давно умерших или живет привиденьями книг», ибо он не понимает переходного характера современной экономической системы и не видит поэтому открываемых ею перспектив для борьбы за социализм.

Реакционность представлений Каутского очевидна. Но в какой форме эта реакционность проявляется в его теоретических построениях и в его теоретической методологии? Нам кажется, что мы вправе на основании того подробного рассмотрения, которому мы подвергли взгляды Каутского, дать следующую формулировку теоретического содержания каутскианства: каутскианство в проблеме империализма представляет критику империализма, ведущуюся с точки зрения доимпериалистического развития капитализма. Каутскианство изображает империалистическую стадию капитализма, как ошибку истории, не оправдываемую ни «интересами» самого капиталистического развития, ни интересами перехода к социализму. Напротив того, переход к социалистической организации производства (если он уже назрел) может произойти лишь от капитализма в его классическом виде, который является единственно нормальным (естественным) состоянием капиталистического способа производства. При этом особенностью теоретической методологии каутскианства является тот способ представления, который современную систему мирового капитализма мыслит в категориях старого, национального капитализма, т.-е. капитализма только еще стремящегося охватить весь мир [1]).

[1]) В высшей степени характерно, что под этим же национальным углом зрения решает каутскианство и проблему социалистической революции. Для каутскианства есть зрелые для социализма нации, а не зрелое для социализма мировое хозяйство. Отсюда: маршрут социализма начинается обязательно от передовой капиталистической страны. «Социалистический способ производства так же мало может исходить от экономики отсталых стран, как и от экономически отсталых отраслей производства»,—пишет Каутский в 1907 г. («Soz. u. Kolonialpolit.». 59). И буквально то же самое повторяется в 1918 г.: «исходным пунктом пролетарского общества может, конечно, быть лишь страна, в которой пролетариат не только образует подавляющее большинство населения, но и которой он за десятилетия борьбы вырос до наиболее развитого политически и наиболее способного к организации из всех демократических классов». (S.-d Rem. zur Uebergangsw., 163). Но эта же «национальная» точка зрения характерна и для ряда теоретических положений Каутского: взять хотя бы его выхолощенную интерпретацию марксовой теории обнищания пролетариата.

Каков же путь каутскианства и какова его тенденция?

Каутскианство в теории империализма начинает свои первые шаги с резкого противопоставления себя оппортунизму. Оппортунисты принимают современные формы капитализма, мы их отвергаем—таков политический и теоретический мотив каутскианства первой формации. Мы видели, как это увязывается с общей «революционностью» Каутского 1905—1909 г.г. Мы показали, что слабым пунктом этой революционности был центральный пункт, т.-е. базирование революционности на теории, игнорирующей основные закономерности современного экономического развития. Мы показали, что заманчивая теория была незащищена со стороны реальных отношений, которые она рассматривала как злую болезнь капитализма.

Вспомним, что Ленин именно про тот период сказал, что он открывал наибольшие надежды на оформление Каутского в качестве революционера-марксиста. Это замечательно глубокая мысль. Чтобы оправдать эти надежды, Каутский должен был бы, помимо прочего, «идейно перевооружиться». Вместо того, чтобы заниматься отрицанием прогрессивной роли «новой индустриальной системы», ему следовало бы задуматься над содержанием этой прогрессивной роли, ибо только идя таким путем можно понять ее границы. Но это означало бы смерть каутскианства. Этого не случилось. А наступившие годы затишья и реакции возвращают Каутского от левых сомнений в центр, центризм же не нуждается в научном обосновании революционной политики,—он требует двусмысленного обоснования революционной фразеологии. Каутскианская теория современного капитализма оказывается как-будто специально для этого скроенной.

В самом деле, с одной стороны, она открывает безбрежные возможности для «революционного» красноречия. С другой стороны, будучи очищена от «крайностей» 1907—1909 г.г., она уклоняется от ответа на вопрос, настало ли время для социализма, и тем самым открывает широкий путь к оппортунистической практике. Каутскианская теория с идеальной резкостью изобличает зловредность новейшего капитализма, и она же с идеальной верой обещает уничтожение новейших язв капитализма еще при капиталистическом способе производства. Удивительно ли, что каутскианство является официальной теорией партии, в которой господствует центризм? Удивительно ли, что на партейтаге 1912 г. (Хемниц) докладчик об империализме от правления партии—Гаазе—развивает чистейшие каутскианские представления?

Линия эволюции каутскианской теории империализма совпадает с линией развития центризма. Внутреннее противоречие центризма—в неумении и в нежелании передвинуть партийную политику на путь подготовки к революции в эпоху, когда пролетарская революция стучится в дверь, в эпоху, когда прime-

нение старых, традиционных методов работы и борьбы неизбежно превращается в поддержку капитализма в его стремлении продлить свое существование. Внутреннее противоречие каутскианской теории империализма, как мы видели, заключается в непонимании переходного характера современной экономики и в стремлении доказать необходимость возврата к старому капитализму, ибо только он-де обеспечит переход к социализму. Тенденция центризма: через постепенное практическое приближение к оппортунизму—до полного с ним слияния. Тенденция каутскианской схемы империализма: через ряд теоретических поражений в борьбе с оппортунизмом—к отказу от экономической критики империализма, и отсюда—к полному теоретическому растворению в оппортунистической концепции врастания в социализм.

В сущности, уже отказ от экономической критики империализма, выразившийся в обосновании ультра-империализма аргументацией от демократии и отмечающий поворотный пункт в развитии каутскианской концепции, представляет начало конца каутскианства. Ничего неожиданного в этом отказе, конечно, нет. Напротив того, его корни идут из сердцевины каутскианских представлений о капитализме. Мы имеем в виду проблему экономических границ капитализма, которую Каутский никогда не умел разрешать по-марксистски.

II.

Известно, что ревизионизм 90-х г.г. об'явил войну теории крушения капитализма. «Теорией крушения» Бернштейн назвал (в полемике против Бакса) распространенный в тогдашней социал-демократической среде взгляд, что капитализм погибнет в результате неизбежного и острого экономического кризиса, который превратится в кризис всей капиталистической системы и приведет к власти рабочий класс. Каутский, возглавлявший борцов против ревизионизма, отрицал утверждение Бернштейна, будто теория крушения господствует в социал-демократии. Он показал, что теория крушения—это теоретический пасквиль, цель которого представить марксистское понимание капиталистического развития в смешном противоречии с действительностью. Как же Каутский представляет себе тогда подлинную марксистскую концепцию? «Теория Маркса и Энгельса видит в капиталистическом способе производства фактор, который толкает пролетариат на классовую борьбу против капиталистов, который все больше и больше увеличивает его численность, сплоченность, интеллигентность, самосознание и политическую зрелость, который все больше и больше повышает его экономическое значение, делает одинаково неизбежным как его организацию в политическую партию, так и его победу; но столь же неизбежно он обусловливает и возникновение коллективистического производства в результате этой победы» (Анти-Бернштейн, Москва 1922 г., стр. 53).

Вот буквально все, что имеет сказать Каутский в защиту марксизма. Однако это совершенно недостаточно и потому неправильно. Ибо проблема экономических границ капитализма здесь снята, она заменена проблемой политической границы, подготовляемой капиталистическим развитием. Когда же Каутскому приходится ставить вопрос об экономическом пределе капи-

талистического развития, он недалеко уходит от им же высмеянной Бернштейновской фальсификации марксизма. Таковы—мы видели—его взгляды 1901 г. («Торговая политика и т. д.»), 1902 г. («Теории кризисов»), 1907 г. («Колониальная политика»), 1910 г. («Финансовый капитал и кризисы»). Но таковы же взгляды Розы Люксембург и отчасти Парвуса («Профессиональное движение и социал-демократия»—конец 90-х г.г.; «Колониальная политика и крушение капитализма», 1907 г.), хотя все трое по-разному представляют себе причины крушения.

В самом деле, Каутский и Роза Люксембург ищут механическую границу капиталистического способа производства и находят ее—один в сокращении аграрных областей, неизбежном при капиталистическом развитии, другая в невозможности реализации прибавочной ценности в чистом капитализме. Гибель капитализма наступит при достаточном приближении к указанному ими пределу. Что касается Парвуса, то он ждет краха капитализма от всеобщего промышленного кризиса, который поразит все мировое хозяйство и освободит его от ига капитала.

С другой стороны, социал-демократы, не желавшие поправлять («дополнять») Маркса в этом вопросе, отказывались ставить вопрос об экономических границах капитализма. Таков Гильфердинг, который не признавал экономической границы капитализма. Он строил перспективы единого мирового картеля, утверждая, что «экономически» такой картель был бы возможен, но он невозможен по политическим и социальным причинам («Финансовый капитал», СПБ. 1918, стр. 435).

Одна из величайших теоретических заслуг Ленина, что он дал подлинно марксистскую теорию гибели капитализма, чего не в состоянии была сделать социал-демократическая мысль. Для него совершенно бесспорно, что марксист не может сводить проблему перехода от капиталистического строя к социалистическому, к чисто политическим факторам. Марксист должен понять политические факторы перехода из экономических. Но для Ленина так же бесспорно и то, что нельзя эти последние искать в отдельных из'янах капиталистического способа производства, как то делают Каутский и Роза Люксембург. Маркс никогда не делал из отдельных недостатков капиталистического производственного механизма решающую проблему для судеб капитализма, так что и Розе и Каутскому пришлось открыто заявить, что они «дополняют» или очищают Маркса. Ленин, как и Маркс, берет капитализм в целом, и гибель капитализма он выводит не из отказа служить со стороны какой-нибудь отдельной пружины капиталистического производственного аппарата, как бы важна эта пружина ни была, а из деформации всей экономической системы капитализма, которая неизбежно наступает на известной и вполне определенной (господство монополий и закончившийся раздел мира) ступени капиталистического развития. Эта экономическая деформация, названная Лениным загниванием капитализма и заполняющая целую историческую эпоху—эпоху империализма, — представляет почву, из которой растет политическое и социальное разложение капиталистической системы. Таким образом, у Ленина крушение капитализма—это не предвосхищение приближающейся механической границы капиталистического способа производства, а завершение целой исторической полосы, в

течение которой происходит, так сказать, экономическая иррационализация капиталистической формы общественного производства. Короче: Ленин дает не теорию крушения капитализма, а теорию его загнивания, которое приводит к крушению, при чем крушение это представляет, конечно, не однократный механический провал, а составляется из ряда революционных социалистических прорывов, с каждым разом все более сужающих сферу капитализма, углубляя тем самым его противоречия и обостряя его неустойчивость. Так и только так может понимать гибель капитализма марксист.

Одна сторона теории крушения имеет особенное значение. Сосредоточивая внимание на последнем пункте капитализма, эта теория исключает из своего горизонта движение капиталистической производственной системы по направлению к этому пункту [1]). Таким образом, она открывает широкие возможности для игнорирования (замазывания) растущей противоречивости капиталистического развития. Вот почему теория крушения прекрасно уживается с оппортунистической практикой. Этот, на первый взгляд, парадокс нашел наилучшее воплощение в Кунове 1915 г., который в защиту империалистической тактики социал-демократии аргументировал тем, что до крушения капитализма еще далеко. С другой стороны, Каутскому, который охотно морализировал по поводу противоречий империализма, его теория крушения позволяла уклоняться от научного анализа этих противоречий, позволяла не видеть неизбежности этих противоречий и неизбежности их роста [2]).

Впрочем, полемизируя с Куновым, Каутский заявлял: «Я полностью соглашаюсь с Куновым в том, что, если вообще надлежит считаться с такого рода (т.-е. с экономическим. *Э. Л.*) крушением капитализма, то оно стоит в необозримой дали. Решительно ошибочны те теории, которые уже для ближайшего времени устанавливают перспективы такого конца. К этому выводу благоразумие привело нас во всяком случае еще до войны» («N. Z.», 33—2, стр. 267—«Nochmals unsere Illusionen»). И несколько выше поясняется: «Кунов ошибочно полагает, будто различие между ним и мною в том, что он считает крушение капитализма делом далеким, а я близким»... «Кунов исходит из того, что социальная революция будет продуктом экономического крушения капитализма. Я ожидаю ее от других факторов».

Так ставится крест над проблемой экономической границы капитализма. В решающей проблеме—пределов капитализма—первый, но фундаментальный, мост между каутскианством и открытым оппортунизмом (социал-империализмом) оказался возведенным еще тогда, когда Каутский готовился к политическому разрыву с правыми. И, начиная с этого момента, Каутский лишь достраивает этот мост, ни разу его не покидая [1]), пока теория экономического врастания в социализм не становится прочным завоеванием каутскианства,—правда, завоеванный здесь ассимилирует и порабощает завоевателя. Наконец, в 1919 г. именно Каутский дает наилучшую формулировку теории экономического врастания в социализм, которая когда-либо давалась: «Капитализм не что иное, как абстракция, получаемая из наблюдения над многочисленными отдельными явлениями и представляющая собой необходимое вспомогательное средство при стремлении проследить эти явления в их экономической связи. Но преодолеть абстракцию можно лишь теоретически, а не практически. Практически мы можем преодолеть только отдельные явления» («Как возникла мировая война», Москва 1924 г., стр. 50).

Логика развития убийственна для центризма. В начале нашего столетия Парвус такими словами характеризовал оформлявшийся в то время оппортунизм: «Точно так же, как свою капитуляцию перед капиталистическим способом производства он маскирует теоретическим стиранием границ между капитализмом и социализмом, так и свое подчинение капиталистическому государству он прикрывает ссылками на неустанную демократизацию государства». Мы видим теперь, что эта характеристика может быть буквально отнесена к Каутскому военного периода: с одной стороны—экономическое врастание в социализм, с другой стороны—идея непрерывного демократического развития. Да и могло ли быть иначе? Если падает экономическая грань между капитализмом и социализмом, если капитализм—абстракция, то где та причина, которая будет революционизировать политические и социальные отношения накануне перехода к социализму? Ее нет, и вслед за экономической гранью неизбежно падает и политическая. Решающим, критическим пунктом политической борьбы становится борьба за «чистую демократию» в пределах самого капитализма, а победа социализма—это только завоевание социал-демократического парламентского большинства на основе чистой демократии [2]). Революция же превращается в употребляемое по традиции словечко, которое обезвреживается безграничным фатализмом, преподносимым с нарочито ученым видом в качестве марксистского детерминизма. В 1918 г. Каутский пишет: «Даже самый пламенный призыв не может приблизить победу ни на один шаг; и самое судорожное заклинание, как и самое жестокое насилие над одиночками, не может ее ни на один час отсрочить» («S.-dem. Bemerk. etc.», 167).

[1]) Роза Люксембург пишет: «Рассмотрение картелей и трестов, как специфического явления империалистической фазы на почве внутренней конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими группами, из-за монополизации наличных областей накопления и из-за разделения прибыли лежит вне рамок этой работы» (Накопление капитала, Москва 1921 г., стр. 328).

Каутский же только в 1907 г. пытался охарактеризовать специфические формы современной экономики.

[2]) «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом..., что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма—противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией» и т. д. (Ленин, Империализм).

[1]) В том же 1915 г. Каутский писал: «Растущая эластичность и приспособляемость капитализма не дают ему, правда, возможности расти и существовать беспредельно и бесконечно, но они являются причиной того, что даже перемещение соотношения сил классов, могущее привести к политической и социальной катастрофе, не должно иметь последствием также и экономическую катастрофу, и что переход от капитализма к социализму может совершиться без экономического «краха» (Национ. гос. и т. д., Москва, 1917 г., стр. 122). См. так же N. Z., 33—1, стр. 679 и 682—«Zur Frage der Steuern u. Monopole»).

А в 1918 г. Каутский уже прямо проповедует кампанию за «введение социалистических учреждений» (S.-d. Bemerkung. etc., 14).

[2]) «Политическая победа социал-демократии», как это называется в одной статье Каутского в 1915 г.

Так завершается развитие. История учит, что реакционная критика всегда оказывается бессильной. Она блещет заманчивой непримиримостью на заре новых отношений, пока эти последние еще не оформились. Но с годами новые явления крепнут. Скептик принужден покинуть гордые высоты непризнания осужденных им отношений. Жизнь оказывается несравненно богаче и оптимистичнее, чем ожидал скептик. Ему кажется, что он спасет свою схему в целом, если он чуть-чуть подправит ее в частях. Так, быть может, незаметно для него, былая принципиальная чистота затуманивается налегом «дополнений», оговорочек, толкований. В конце концов, от непримиримой теории остается лишь словесный костюм. Но, боже правый, разве стоит спорить о словах?

Так было всегда. Вспомним скептиков капиталистического развития—Сисмонди, русских народников. Только классик отличается от модерниста теоретической честностью, которой у последнего нет. Оттого классик входит в историю человечества большой, трагической фигурой. Народники же, теоретики «искусственности» русского капитализма, и Каутский, теоретик «искусственности» империализма, дают картину самодовольного, подчас и лицемерного, словесного брюзжания при мелком вилянии в теории и в действиях.

Диалектика, которую кропотливый метафизик Каутский изгнал из теории империализма, зло перехитрила его. Она бросила Каутского в один мешок с правыми, в борьбе с которыми он приобретал свои представления об империализме. Мещанский критик подал руку империалистическому апологету. В этом слиянии бывших врагов, основные причины и главнейшие пути которого мы рассмотрели, не последнюю роль сыграла и совместная борьба тех и других против критики империализма со стороны левых. Но каковы бы ни были слабые стороны левой критики (пусть их было изрядно), эти недостатки левых были в то время неизбежным продолжением их достоинств. В их критике империализма был смелый взгляд вперед, была решимость на большие действия, и—что самое ценное—было правильное понимание коренных задач эпохи. Во всяком случае, детской болезни левизны пролетариата, пробуждающегося к сознанию своей исторической задачи, Каутский мог противопоставить лишь старческую дряблость и трусость мещанства, прячущегося под уютным крылышком надежд на исправление заблудшего капитализма. «О, чудные надежды на безнадежности ты оснуешь!»... Но, право же, эти слова шекспировского Антонио («Буря») звучат слишком значительно для комнатных мечтаний филистера.

Очерченный нами путь каутскианства завершается в 1918 г. Наступившая революция возбуждает лишь «революционное» красноречие Каутского, но не пробуждает его былой революционности. Но и это на миг. Откатывается революционная волна, и Каутский забывает даже «красные» фразы. Словом и делом он вновь с оппортунизмом, который в конце 1920 года возвращает в свое лоно по недоразумению отколовшихся в 1916 г. «центристов». Отныне Каутский — официальный теоретик «рабочего» национал-либерализма. Каутскианство, как самостоятельная концепция, умерло. Если Каутскому еще приходится выступать об империализме, то это лишь о «красном империализме» первой пролетарской революции. Но это уже лежит за пределами нашей темы.

Организационные принципы II Интернационала.

Г. Зайдель.

I. Первый Интернационал и организационные заветы Маркса.

В известном своем письме к Ф. Больте от 23 ноября 1871 г. Маркс, как бы подводя итоги деятельности Первого Интернационала, писал: «Интернационал был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для его борьбы. Его первоначальные уставы и его первый Учредительный Адрес сразу же указывают на это»... Отметив далее, что «секты имеют свое (историческое) право на существование лишь до тех пор, пока рабочий класс не созрел для самостоятельного исторического движения», с наступлением же этого момента сектантство, в сущности, становится реакционным,—Маркс так характеризует деятельность Генерального Совета: «История Интернационала—это беспрерывная борьба Генерального Совета с дилетантскими опытами и сектами, стремившимися занять в рядах самого Интернационала позицию против истинного рабочего движения» [1]).

Секты, с которыми боролся Маркс в I Интернационале,—это прудонисты, затем лассальянцы и, наконец, анархисты во главе с Бакуниным, исторический спор с которым, в первую очередь по вопросам организационным, и послужил непосредственной причины раскола и смерти Первого Интернационала. Автономизм и вытекающий отсюда федерализм и требование децентрализации являются организационными принципами всех мелкобуржуазных партий, начиная от прудонистов и анархистов и кончая международным меньшевизмом (мы это покажем, в дальнейшем, на практике руководящего большинства II Интернационала). Жесткий централизм, сбивающийся на мелкобуржуазный, чистый якобинизм, кладущий в основание преувеличенную роль сильной индивидуальности—является характерным принципом лассальянства, с его наделением исключительных прав председателю партий и отрывом вследствие этого от широких рабочих масс [2]). Наконец, демократический централизм является руководящим принципом действительно пролетарских партий, ныне Коммунистического Интер-

---

[1]) Цитировано по русскому переводу В. Адоратского, К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, Москва 1922 г.

[2]) «Лассальянская организация, — писал Маркс в выше цитированном письме,— есть просто сектантская организация и... в качестве таковой она просто враждебна организации действительно рабочего движения, создать которую стремится Интернационал».